ВЕЛИКИЕ РОССИЯНЕ

Александр Житинский

ВИКТОР ЦОЙ

Александр Николаевич Житинский

Виктор Цой

Серия «Великие россияне»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16960293
Виктор Цой : [документальная повесть] / Александр Житинский.: Амфора; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-367-03506-3

Аннотация

Представляя вниманию читателя самый полный на сегодняшний день документальный материал, непубликовавшиеся свидетельства и уникальные кадры семейного архива, автор воссоздает картину жизни и творчества кумира миллионов от рождения до трагической смерти.

Содержание

Предисловие автора 5
Вступление 6
1962–1975 8
Корейцы в России 10
О таланте 18
Об успехе 19
Об удаче 21
О труде 22
1975–1978 27
1978–1980 37
1980–1981 46
1982 58
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Александр Житинский
Виктор Цой. Документальная повесть

Посвящается всем друзьям Виктора,
близким и дальним,
без которых невозможна
была бы эта книга

В оформлении использованы фотографии Анатолия Азанова, Алексея Вишни, Максима Елкина, Ильдара Зиганшина, Елены Константиновой, Андрея Кудрявцева, Дианы Русовой, Игоря Старцева, Андрея «Вилли» Усова, фото из архива Рашида Нугманова, а также фото из семейных архивов Валентины, Роберта и Марьяны Цой.

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора» осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»

Издательство выражает благодарность литературному агентству Synopsis за содействие в приобретении прав

Предисловие автора

Эта книга о русском корейском мальчике, который в считанные годы стал звездой и погиб на гребне славы, оплакиваемый миллионами.

Эта книга о простом парне «с улицы», который сумел стать самим собой, благодаря таланту и правильному отношению к людям.

Эта книга о том, что не нужно гоняться за славой – она сама найдет тебя, если нужно.

Эта книга о том, что не стоит искать смерти – она придет сама, когда пожелает.

И конечно, это книга о его друзьях, чьи голоса звучат на ее страницах, в чьих глазах отражается наш герой, чьи оценки мы принимаем или не принимаем, но они одинаково важны для нас, ибо других свидетельств нет и уже не будет.

Со многими из них я встречался и беседовал, их голоса хранит пленка моего диктофона, других читал в книгах и записях, найденных в Интернете, третьи сами вызвались помочь мне и отдали в пользование бесценные архивы, собираемые годами.

Особое спасибо я хочу сказать родителям Виктора – Валентине Васильевне и Роберту Максимовичу, а также матери Марьяны Цой, Инне Николаевне.

И моя огромная благодарность всем, кто согласился встретиться и рассказать то, что помнит. И не беда, что факты в этих рассказах не всегда совпадают, таково свойство памяти, и именно так создаются легенды и мифы. Со многими из этих собеседников читатель уже встречался в книге памяти Вити, которую мы издали с Марьяной через год после его смерти, в 1991 году, – и, конечно, ничего нового сказать они уже не могли, да и в живых остались не все, включая саму Марьяну. Но есть и новые рассказы и воспоминания.

Я хочу сказать спасибо и тем, кого не видел, но читал их записи, вопросы, мнения на знаменитом сайте yahha. com Рашида Нугманова – ему самому в первую очередь, – а также Светлане Власовой aka morita, Владимиру Митину aka Seva и Андрею Дамеру aka damer. Именно они, вероятно, станут самыми придирчивыми читателями этой книги, ибо знают о Вите нисколько не меньше меня, а может, и больше.

Зато я, в отличие от них, лично знал Виктора и неоднократно с ним встречался, видел много концертов с его участием, писал о его новых альбомах. Мы познакомились осенью 1983 года, а последняя наша встреча состоялась в июне 1990 за два месяца до его смерти.

И вот уже почти двадцать лет я разгадываю загадку этой жизни, этой судьбы и этого таланта, убеждаясь все больше, что никакой особой тайны нет. «Гений – это норма», как сказал кто-то из великих. Но чтобы понять глубину этой фразы, нужно долго жить и наблюдать людей. Кроме того, она описывает лишь один полюс гениальности, а именно гармоничный. Жить в согласии с собой, с природой и людьми, отдаваясь своему делу.

Гении с явными психическими сдвигами тоже есть. Но о них мы пока не будем. Это другой полюс.

Замечу, что имитировать гениальность по второму типу легче, чем по первому. Достаточно выглядеть безумным.

Нормальному человеку – а именно таким, по моему глубокому убеждению, был Цой – имитировать нечего. Естественность не имитируют. Она либо есть, либо ее нет.

Цой был природен по натуре и ничем не выделялся, кроме своей восточной внешности. А свой природный ум, свою мудрость и темперамент берег для песен, которые до сих пор являются непременным катехизисом почти каждого подростка, вступающего в жизнь. (Катехизис – это учебник, наставление в христианском мире, дающее основы веры.)

По-моему, Цой – явление лишь отчасти музыкальное, а больше нравственное, как и всякое настоящее искусство. При этом без всякой назидательности.

Поэтому мы не будем разгадывать загадок, а будем рассматривать путь.

Вступление

21 июня 1962 года молодая учительница средней школы в городе Ленинграде родила мальчика и назвала его Виктором, что значит – победитель.

Звали учительницу Валентина, она была коренной ленинградкой, русской, в девичестве носила фамилию Гусева, а в замужестве стала носить фамилию мужа. Ее мужем стал студент Военмеха (ныне Академия военно-технических наук) Роберт Цой, приехавший в Ленинград из казахского города Кзыл-Орда, по национальности кореец. Собственно, именно он настоял на этом имени. Валентина хотела назвать сына Димой.

Но ее сын стал носить имя Виктор Цой.

19 августа 1990 года в Ленинграде на Богословском кладбище хоронили знаменитого певца и поэта, трагически погибшего несколько дней назад в автокатастрофе, кумира миллионов молодых людей всей огромной страны, называвшейся Советским Союзом. В скорбной процессии, тянувшейся к могиле от самых ворот кладбища, за день прошло около тридцати тысяч человек. Для каждого из них эта потеря была глубоко личной, но для всей страны она была еще и символической, ибо ровно через год, после кратковременного фарсового путча горстки авантюристов, этой страны тоже не стало, она ушла в прошлое вместе со своим последним героем и романтиком, оставившим после себя песни, которые поют до сих пор.

Имя этого певца всем известно. Его зовут Виктор Цой.

Он прожил всего двадцать восемь лет, что составляет немногим более десяти тысяч дней, а вся его творческая жизнь – от безвестности до ослепительной славы – уместилась в кратчайший отрезок не более восьми лет, от первого альбома группы, вышедшего в 1982 году, до последнего, увидевшего свет уже после смерти Виктора.

О нем известно практически все, разысканы и изданы все песни, дубли записей, все фотографии, запечатлевшие Цоя, все рисунки и деревянные фигурки, которые он вырезал. Написаны и рассказаны с той или иной долей вымысла воспоминания друзей и соратников, выдвинуты различные версии, объясняющие его популярность. У него, как и у всякого кумира, есть фанаты и враги, возрождающиеся в каждом новом поколении. Но слава его не слабеет, этот факт вынуждены признать даже те, кто отказывает Цою в каком-либо музыкальном и поэтическом таланте и видит причину популярности лишь в особого рода харизме и ранней трагической смерти.

Молодые люди, вступающие в жизнь, знакомятся с Цоем как со своим современником и поют его песни, не слишком задумываясь о том, в каком времени они были рождены, какая страна окружала их автора, какое государство следило за его деятельностью. Об этом не пишут и в книгах о Цое – зачем? – ведь и так всем понятно, разве мы не жили рядом с ним, все знают это наизусть.

Но такая точка зрения устаревает с каждым годом. Нарождаются новые поколения в новой России, которую так и не узнал Виктор Цой. Но и они, его новые фанаты, часто не имеют ясного представления о великой стране, которая была или пыталась быть для каждого гражданина зоркой и строгой матерью.

Молодежь, которая поет его песни, никогда не видела Цоя на сцене. Она не знает реалий, окружавших его жизнь, – от простейших, вроде того, какие сигареты тогда курили и какие вина пили, до сложного государственного устройства и идеологии.

Казалось бы, что нам сейчас та страна с ее идеологией? Рокеры старались ее игнорировать и жить так, будто ее не было вовсе. Но не получалось. Страна настойчиво напоминала о себе – бытом, модой, привычками, книгами, именами, событиями, политикой.

У Цоя мало внешних реалий жизни в его песнях, он поет «о вечном» – любви, одиночестве, смерти. Но время его жизни незримо присутствует в каждой из них. И чтобы правильно понимать его песни, нужно знать и его время.

Да оно заслуживает внимания и само по себе, ибо именно тогда происходили великие, прекрасные и трагические события, которые поставили Советский Союз вровень с легендарными империями прошлого и которые до сих пор заставляют содрогаться одних и петь ему гимны других.

Но вы не знаете об этом, друзья мои.

Я обращаюсь к тем читателям, которые по возрасту могли бы быть моими внуками. Потому что Витя Цой по своему возрасту как раз годился мне в сыновья. Моя старшая дочь родилась в том же году, что и Витя, а старшему моему внуку, ее сыну, уже двадцать четыре года.

Вся жизнь Цоя уместилась в моей жизни небольшим, но ярким отрезком. Я знал Витю последние семь лет его жизни, мы иногда встречались и не то чтобы беседовали, ибо, чтобы беседовать с Цоем, надо было быть к нему гораздо ближе, чем был я, но, тем не менее, общались, и он отвечал на мои вопросы, как всегда, кратко и доброжелательно.

Мне казалось, что, выпустив после его смерти документальную книгу «Виктор Цой. Стихи, документы, воспоминания» («Новый Геликон», СПб., 1991), которую мы подготовили с Витиной женой Марьяной, я выполнил наказ безвестного поклонника Цоя, данный мне в день похорон Вити: «Вы должны написать о нем книгу» (об этом я упоминал на последней странице того сборника). Но вот оказалось, что наказ выполнен не до конца, потому и пишу эти строки.

Как выяснилось, за прошедшие семнадцать лет ничего цельного и законченного о жизни Цоя в полном ее объеме так и не появилось. Обилие фактов и мнений, разбросанных по страницам книг Алексея Рыбина, Павла Крусанова, Севы Гаккеля и покойного Дюши Романова, все-таки не дает связной картины. Поэтому я решаюсь ее восполнить на правах не столько человека, лично знавшего Виктора, сколько литератора, жившего в той стране, которую мы потеряли, испытывавшего те же проблемы, радовавшегося и страдавшего от тех же событий и посвятившего почти десять лет своей жизни в качестве рок-дилетанта явлению, которое и породило Виктора Цоя, – отечественной рок-музыке.

1962–1975
«Ребенок, воспитанный жизнью за шкафом»

Мальчик Цой родился в стране, называемой Советским Союзом, и страна эта, как позже выяснилось, была Империей.

Американцы с подачи своего президента Рейгана называли ее еще страшнее – Империей Зла. И эта Империя Зла занимала одну шестую часть всей мировой суши и насчитывала двести с лишним миллионов населения.

Вот в такой Империи мальчику Цою предстояло провести всю свою короткую жизнь.

Вообще, в понятии «Империя» нет ничего страшного и злого. Тут господин Рейган преувеличил. На себя бы посмотрел. Под Империей обычно понимают большое и даже огромное многонациональное государство с сильной централизованной властью. Как правило, это Император, наделенный практически неограниченными правами.

Россия официально стала Империей при Петре Великом, именно он стал первым Императором Всероссийским. Предпосылки к этому были созданы на протяжении нескольких веков, когда Российское государство планомерно и неумолимо расширяло свои границы, присоединяя к себе многочисленные и часто совершенно неразвитые племена и народы. А некоторые малые соседи присоединялись к ней добровольно, ища защиты, о чем сейчас предпочитают не вспоминать.

Царь на Руси был самодержец, сам держал в узде державу, и эта традиция сохранялась веками. Практически ничего в ней не изменилось, когда монархии не стало, а во главе государства встал главный коммунист единственной правящей Коммунистической партии. Назывался он обычно Генеральным секретарем. Сначала это был Ленин, потом Сталин, а затем Хрущев.

Мальчику Цою выпало родиться, когда Империей рулил Никита Сергеевич Хрущев.

Я не буду вдаваться в излишние детали, иначе это надолго уведет меня от предмета разговора, каким сейчас является младенец в коляске, которого чинно провозит по площади у станции метро «Московская», прямо под памятником Ленину, его мама Валентина, учительница биологии и физкультуры. Первые годы своей жизни семья Цоев жила с родителями Валентины прямо напротив «Дома Советов» – так ленинградцы называли огромное здание в глубине площади, которое никогда не было Домом Советов, а в нем находился очень секретный научный институт, куда меня хотели послать работать по распределению в 1965 году. Но я уклонился от секретности и поступил в аспирантуру.

Мальчик Цой пока ничего не знает и не понимает, но он, безусловно, видит из своей коляски огромного каменного Ленина с протянутой вперед рукой. И какие мысли рождаются в его маленькой голове – непонятно.

Также непонятна и его реакция, когда какие-нибудь встречные тети заглядывают в коляску и восклицают:

–У-у, какой… чернявенький!

Конечно, их поражают прежде всего раскосые глазки маленького мальчика, никак не сочетающиеся с русским лицом его мамы. Но они предпочитают об этом помалкивать.

Но я помалкивать об этом не собираюсь и хочу сказать, что одним из фундаментальных камней в характере Виктора Цоя, в его таланте и харизме, было то, что он был наполовину русским, а наполовину корейцем.

Две разные расы, две далекие национальности скрестились, чтобы дать жизнь этому маленькому человеку, которому было суждено стать кумиром миллионов.

Но до этого еще далеко.

Пока же я хочу сказать, что отличие Советского Союза от Российской Империи было не столько в форме правления, сколько в отношении к населявшим Союз народам. Ибо партией была провозглашена политика интернационализма, и она проводилась в жизнь, во всяком случае, формально это было так. Если в царской России бытовали такие слова, как «иноверец» и «инородец», обозначавшие людей нерусских и неправославных, то в Союзе их не было. Их заменило слово „нацмен“, которое поначалу не имело никакого уничижительного оттенка, а просто обозначало человека иной национальности, малого народа. При этом ни к украинцам, ни к белорусам оно не применялось. И все ограничения по отношению к инородцам-нацменам были сняты. Например, на поступление в высшие учебные заведения, поэтому отец Вити Роберт Цой смог приехать в Ленинград из далекого Казахстана и поступить в Военно-механический институт. В Ленинграде он и встретил Валентину.

Мальчику Цою весьма проблематично было бы появиться на свет в другое время и в другом месте. Его родителям просто трудно было бы встретиться.

Вообще, история появления корейцев в России заслуживает отдельного разговора, поэтому сделаем небольшое отступление. И делаю я его не просто так, чтобы просветить читателей, а потому что уверен, что на характер человека, его внутренний мир и даже его судьбу влияют незримые генетические корни.

Корейцы в России

Все вы знаете, где находится Корея – справа внизу на карте, рядом с Японией и Китаем. Корейцы имели весьма непростые отношения со своими соседями на протяжении веков – китайцами и японцами. Это нам кажется, что все они одинаковые, а на самом деле они все разные – и по внешности, и по темпераменту, и по культуре.

Россия всегда была от них очень далеко, пока сама к ним не пришла, придвинувшись вплотную, когда русские завоевали Приморье. Сначала офицер Хабаров покорил Дальний Восток и увековечил свое имя в названии города Хабаровска, затем русские двинулись на юг, вышли к Японскому морю и основали здесь город Владивосток, что означало «владеющий Востоком».

Произошло это в 60-х годах XIX века.

Примерно тогда же в ставшее русским Приморье началось массовое переселение корейцев. Не знаю, было ли это случайным совпадением или же корейцы тянулись под защиту русского царя, но вскоре численность корейцев в Приморье достигла 180 тысяч человек. В самой Корее, кстати, в это время близилась к закату многовековая династия императоров Чосон, находившаяся в зависимости от Китая.

Вообще же, китайцы и японцы все время боролись за Корею, и вскоре японцы стали побеждать в этом споре. С приходом русских в Приморье и на Сахалин Япония стала естественным противником России, поскольку тоже претендовала на освоение этих земель.

Все это привело к Русско-японской войне 1904–1905 годов, в которой Россия потерпела обидное поражение.

Впрочем, на территориальных завоеваниях России оно не отразилось, корейцы по-прежнему стремились туда, гонимые нуждой, и занимались традиционным земледелием.

Когда началась Гражданская война, корейцы в целом приняли сторону большевиков, которые, во-первых, обещали дать крестьянам землю, а во-вторых, проповедовали так называемый «пролетарский интернационализм», то есть равноправие всех национальностей.

И действительно, в 20–30-х годах корейская диаспора в Приморье пережила расцвет. Землю, правда, не дали, но выпускались корейские газеты, действовал корейский театр, а дети учились в корейских школах на родном языке. И было этих школ не одна-две, а более трехсот! Учителей готовили в Корейском педагогическом институте во Владивостоке.

Но продолжалось это недолго.

Противостояние с Японией на Дальнем Востоке продолжалось. А поскольку Корея к тому времени оказалась полностью завоеванной Японией, в корейцах стали видеть японских пособников. Недоверие большевистских правителей к корейцам возрастало, пока в 1937 году Постановлением Совета народных комиссаров от 27 августа 1937 года все корейское население Дальневосточного края (около 180 тысяч человек) было выселено в Казахстан и Узбекистан, в районы непривычного для корейцев климата.

И поехали они в теплушках далеко-далеко, и стали там жить. Причем перенесли это как-то безропотно, и потом, через много лет, не сильно возмущались, в отличие, скажем, от чеченцев и крымских татар, перемещенных со своих земель уже после Великой Отечественной войны.

По этому поводу шума было значительно больше, когда стало можно шуметь. А про корейцев почти не говорили, они поселились в Средней Азии, в Казахстане и Узбекистане и принялись выращивать рис, лук и другие овощи.

Папа Виктора Цоя Роберт родился уже там, на новом месте, в городе Кзыл-Орда. Поначалу корейцам не давали права выезжать в крупные города, поступать в вузы, но потом,

после смерти Сталина, в «оттепель», это стало возможным. И потянулись молодые корейцы в столицы за знаниями.

Так попал в Ленинград и Роберт Цой, а здесь неожиданно встретил Валентину и влюбился с первого взгляда.

Короче говоря, появлению Вити Цоя на свет предшествовали немалые исторические катаклизмы, которые, конечно, отразились в корейцах на генетическом уровне. Умение скрывать свои мысли и чувства, умение терпеть, но при этом быть внутренне непокорным.

Корейцев сейчас не редкость встретить в России, многие укоренились здесь, хотя большая часть осталась за границами нынешней Российской Федерации, там их сейчас приблизительно полмиллиона. Среди «русских» корейцев есть весьма известные.

Если говорить обо мне, то я с ходу могу назвать нескольких деятелей искусства и литературы, носящих корейские фамилии. Каков процент корейской крови у них – я не знаю, да это меня и не интересует. Но я помню, какое удовольствие я получал от песен Юлия Кима, от русской прозы его однофамильца Анатолия Кима, как я болел когда-то на соревнованиях за известного спортсмена-легкоатлета Евгения Чена (а сейчас слушаю на ТВ его репортажи с соревнований) и затем за его очаровательную дочь Иоланту Чен. Да и однофамилица Виктора – Анита Цой хорошо известна на нашей эстраде. Вообще, Цой – довольно распространенная корейская фамилия, пятая по численности в Корее.

У меня даже есть знакомый кореец Игорь Ким, который забрался еще дальше на Запад и живет в Финляндии.

Таким образом, не было ничего удивительного в том, что молодой кореец Роберт Цой, окончивший школу в Кзыл-Орде, приехал поступать в ленинградский вуз. Удивительнее то, что он поступил, хотя не очень хорошо говорил по-русски.

С Валентиной он повстречался практически случайно.

Валентина Цой (из интервью автору, 2007):

«После окончания школы тренеров при институте Лесгафта я пыталась здесь, в городе, устроиться – не получилось. Сложно было устроиться на работу. Тогда я пошла в облоно, и мне дали направление в поселок Кирилловское Ленинградской области – это Карельский перешеек. И я там работала в сельской школе два года. На последнем году – это был Новый 1961 год – там была у нас заведующая клубом молодая, она дружила с парнем из Военмеха, Вадим его звали. И он привез на Новый год Роберта Максимовича. С гитарой! Вот так гитара вошла в мою жизнь.

Он потом Витю учил на гитаре немножко. Ну вот…

И там была компания, справляли Новый год, и уж не знаю, что с ним случилось, но после Нового года он пришел ко мне, а я жила отдельно, и с бухты-барахты говорит: „Валя, выходи за меня замуж“. Ну, мне не хотелось его обижать – может, он не совсем нормальный. А он говорит: „Я сейчас уеду на месяц на сессию, а ты пока родителям скажи, а как приеду – мы с тобой поженимся“.

А он меня даже на год помладше был: я с 37-го, а он с 38-го. Ну, я и думаю: пусть он этот бред-то несет, я промолчала и все. Он уехал, месяц его не было, потом приехал: ну что, сказала родителям? Конечно, я ничего не говорила. Поехали вместе. А я все думала, что это шутка.

А он ничего из себя был: для корейца довольно высокий – метр семьдесят пять, стройный, я-то метр пятьдесят шесть… Короче говоря, мы приехали домой, и он у отца стал просить мою руку. Мне было приятно, конечно: он учился в Военмехе, будущий инженер, приятный,

интеллигентный. Короче говоря, мы пошли подавать заявление. А тогда как раз открылся Дворец бракосочетания на Английской набережной, и мы 13 февраля 1961 года расписались. Ну, замуж я, наверное, хотела. А почему быстро так – Дворец только открылся, и народу там было мало. Роберт хотел поскорей, предложили 13-е число, понедельник, потому что никто не хотел, а нам все равно было. Вот так и записались».

Надо сказать, отец Валентины, как она сама говорит, был человеком тяжелым. Матери в доме не было видно и слышно – тише воды и ниже травы, как говорится. Властвовал отец с его крутым характером, от которого доставалось всем – и матери, и двум дочерям.

И Роберт пошел, и выиграл этот поединок. Чем-то он понравился крутому Василию.

Регистрировали их, кстати, в том самом первом в Ленинграде Дворце бракосочетания на Английской набережной, где четыре месяца спустя довелось побывать и мне по тому же поводу.

Роберт просил только разрешения у Валентины пока не оповещать своих родителей в Кзыл-Орде об этой женитьбе, потому что не был уверен, что там встретят эту весть одобрительно. Клановые порядки были строги – кореец должен был жениться на девушке своей национальности.

Валентина Цой (из интервью автору, 2007):

«Он меня сразу предупредил: „Валя, только одно условие – чтоб родители мои не знали“. Они в Казахстане жили и были против браков с русскими. Он родом из города Кзыл-Орда, Казахстан. А мне было наплевать. Потом родился сын – он все молчит, в Кзыл-Орде ничего не знают. Потом, правда, раскрылось все это дело, съездили мы туда показать младенца».

Роберт Цой (из интервью автору, 2007):

«Родители мои, как все родители, наверное, имели в виду совсем другую судьбу для меня. Всякая национальная община хочет, чтобы своя община развивалась. Все нации хотят, чтобы на своих женились, правда ведь? А мы, молодежь, в то время всем по семнадцать-двадцать лет было, все разлетелись, в основном в Москву и в Ленинград на учебу. А тут где кореянок взять? Их тут не больно много. И потом мы тут уже обрусели окончательно.

А годы берут свое, вот я нашел Валентину. Поначалу не хотелось родителей огорчать, сколько могли, скрывали. Не помню, полгода, год… А потом, когда Витька народился, – а там какой-то юбилей, семейное торжество, не помню что, и мы всей семьей поехали туда, втроем уже. На несколько дней всего. Вите года, по-моему, еще не было, он только-только ходить начинал.

А второй раз мы уже поехали туда вдвоем с ним. Тоже какое-то событие было, по-моему, шестьдесят лет отцу. Это в 74-м году. Вите как раз было лет одиннадцать-двенадцать. Съездили. Много фотографий есть оттуда.

Там огород был. Овощи, фрукты – совсем другие, не то что здесь. Особенно помидоры. Витьку с огорода не вытащить было. Он любил так томаты, душу там отвел. Вот мы второй раз так туда съездили, а больше уже не пришлось…»

Я не уверен, что и родители Валентины были в восторге от выбора дочери – по тем же соображениям. Но препятствий они не чинили – и этот факт как нельзя лучше говорит о том, какие отношения между национальностями были в советской Империи.

Я думаю, что студент Роберт Цой в Ленинграде ни разу не слышал в свой адрес таких слов, как «чурка» или «косоглазый». То время было временем «пролетарского интернационализма» и «дружбы народов», и, как ни странно, идеологические установки влияли на реальность.

Кореец Роберт Цой был принят в русскую семью, молодым была выделена комната, а в другой комнате жили родители Вали и ее сестра. Это было первое человеческое окружение мальчика Цоя в младенчестве. А какова была атмосфера – порядки в семье, отношения – весь набор того, что слышит и видит ребенок, подрастая? Ведь на младенца воздействует любой звук и любой зрительный образ с момента его рождения. Он еще ничего не понимает, но способен отделить неприятное от приятного, пугающее от безопасного. Как с ним говорят, какие песни доносятся из репродуктора или телевизора, взволнованы ли чем-то окружающие – все это откладывается в копилку его памяти и чувств.

Я хочу сказать, что дитя впитывает эпоху, в которой живет, по любым ее проявлениям, и это вместе с генетическим кодом, заложенным от рождения, потихоньку формирует личность.

Молодая семья жила трудно. Роберт был еще студентом и получал лишь стипендию. Валентине приходилось брать повышенную нагрузку в школе, чтобы получать больше, потому что они копили деньги на кооперативную квартиру. Тогда как раз появилась возможность вступить в ЖСК (жилищно-строительный кооператив) и на собственные деньги построить отдельную квартиру. Иначе приходилось годами ждать в городском списке «очередников», куда ставили далеко не всех, а лишь те семьи, где на человека приходилось не более шести квадратных метров.

Маленький Цой был отдан в ясли, когда ему исполнился год и четыре месяца. До этого за ним присматривали и ухаживали сначала мама, а по окончании ее декретного отпуска – приходящая нянюшка. «Декретным» он назывался потому, что введен был постановлением (декретом) Совнаркома (Совета Народных Комиссаров) в ноябре 1917 года, сразу после Октябрьского переворота.

Валентина Цой (из интервью автору, 2007):

> «Он ходил в яселки. Год и четыре месяца я его дома продержала – раньше ведь как: два месяца декрета и все, на работу. Но у меня еще было два месяца учительского отпуска, а на год целый я нанимала няньку. Она приходила, я шла работать, чтобы работу не потерять, потому что с работой было сложно, у меня уроков было мало, всего десять часов в неделю, так что сидела нянька недолго. А нянька была подругой моей сестры Веры, она была из большой семьи, бедной, и деньги ей были нужны. Короче, год так протянула. Потом отдали в яселки, что тоже тогда очень трудно было. А он там очень плакал, мы забирали его пораньше…»

Семье нужны были деньги, поэтому отец Цоя летом вместо отпуска ездил в Воркуту, подрабатывать по своей инженерной специальности, а Валентина, подхватив маленького сына, отправлялась в пионерские лагеря – старшей пионервожатой или воспитательницей.

Летние лагеря пионеров были такой специальной формой воспитания подрастающего поколения. Там бывало весело, бывало и тоскливо – смотря куда попадешь и какие рядом люди. Впрочем, это ведь относится не только к пионерским лагерям.

Ясли и детские сады тогда были только государственными (муниципальными, как нынче говорят). Попасть в них, как и сейчас, было непросто, хотя условия, в которых находились там дети, были часто не лучшими. Как и везде, все зависело от персонала. Если воспитательницы и нянечки были сердобольными людьми, малышам жилось сносно, в противном случае ясли и детсады превращались в ежедневную пытку.

Витя Цой от рождения был спокойным и тихим мальчиком, здесь он унаследовал характер отца – неразговорчивого, незаметного, углубленного в себя. Но детские учреждения мальчик переносил плохо, поэтому раннее детство выдалось не слишком радостным. Несмотря на материнскую любовь и ласку (отец был в этом смысле сдержан), Витя большую часть времени проводил в ненавистных яслях, где плакал, а посему не пользовался любовью нянечек – непрерывно плачущих детей не жалуют. «Ну чего тебе надо? Какого еще рожна?» Ребенок был признан трудным, неконтактным, попытки как-то переломить его характер оказались тщетными.

Мне кажется, что в самом раннем возрасте происходит негласное определение отношений с миром на всю оставшуюся жизнь. Эти отношения могут быть дружественными, враждебными или же нейтральными. Последнее означает, что ты миру как бы не нужен, ты лишний, отшельник, неприкаянный. У Цоя, по всей видимости, с детства сложились именно такие отношения с миром, об этом свидетельствуют почти все его ранние песни. Он не терпел принуждения, но при этом не протестовал громко, не бился за свои права, а по возможности уклонялся от навязываемого ему способа жизни, занятий или установок. Он предпочитал выбирать сам.

При этом о враждебности не было и речи. Все, кто знал Цоя, отмечают его мягкость и доброжелательность. Он не был колюч, а если его слишком уж доставали, просто замыкался в себе.

Таких людей невозможно сломать, ибо они живут согласно древней восточной притче о сосне и вишне.

«Посмотрите на сосну, говорит мудрец. У нее мощные толстые ветви, они выдерживают тяжесть снега, не гнутся. Но если снега навалило слишком много, ветвь ломается.

А взгляните на вишню. Ее тонкие ветви гнутся под тяжестью снега, клонятся к земле – и она, наконец, стряхивает снег с себя, и ветви снова выпрямляются, несломленные».

На этих принципах, развитых в философию, построены все системы восточных единоборств, которыми, кстати, так увлекался Виктор Цой в молодости. Не сила на силу, а внешняя податливость в ответ на силу, чтобы обвести ее вокруг пальца.

В детский сад его перевели, как и положено, трех лет, в 1965 году.

В скором времени появляется и первое свидетельство о художественных способностях ребенка. Воспитательница детского сада замечает, что он любит рисовать и рисует хорошо, значительно лучше сверстников. В дальнейшем то же самое отмечали и школьные учителя, поэтому мама Цоя отдала сына в художественную школу.

Уже в детском саду и выясняется, что Витя Цой человек настроения – если ему не хочется рисовать, то его не заставишь. Но он очень нравится родителям других детей своим спокойствием и немногословностью, поэтому его часто приглашают на дни рождения или просто в гости.

Витя ходит туда один, даже мать его не сопровождает. Вероятно, все приятели и приятельницы жили неподалеку. (Этот факт, кстати, показывает, насколько беспечно мы все относились к безопасности, потому что практически ничего не знали о маньяках, похитителях детей, педофилах. Мне говорят, что не было гласности и свободы слова, тогда, мол, эти факты умалчивались. Теперь мы знаем о них, но разве это увеличило нашу безопасность? Нет, увеличилась лишь подозрительность.)

Валентина Цой (из интервью автору, 2007):

«Витю очень любили приглашать в гости родители других детей, потому что он был спокойный, уравновешенный и умный. Но как-то был случай. Он мне говорит: мама, я пойду к Коле (это еще период детского садика был). Я говорю: иди. Потому что обычно в десять вечера он всегда был дома. А тут одиннадцать, двенадцать – его нет. Ребенок-то маленький!

> А я даже не спросила, где этот Коля живет! И тут меня стало трясти! Я выбежала на улицу, куда идти – не знаю. А он ко мне как-то со спины подошел и говорит: „Мама…“ И я ударила его по лицу. Уж очень неожиданно он ко мне подошел, если б издалека я его увидела, может, успела бы остыть. Ой, думаю, что ж я наделала! Он заплакал. Но пока мы с ним на четвертый этаж поднимались, успели помириться, я у него прощения попросила».

С тех пор она ни разу не ударила сына.

Вообще, Валентина Васильевна рано поняла, что с сыном нельзя разговаривать на повышенных тонах – он не терпел крика, сразу замыкался в себе. И она, будучи женщиной эмоциональной, взрывной, активной, сдерживала себя и говорила с ним тихо и спокойно. Она полагает, что именно этим объясняется отмечаемая многими черта Цоя – спокойствие.

Раннее детство Виктора пришлось на время социальной бодрости, если можно так выразиться. За прошедшие после тяжелейшей войны пятнадцать лет страна не только залечила, в основном, ее раны и восстановила хозяйство, но и сделала попытку освободиться от культа личности и связанных с ним репрессий. От культа освободиться удалось. Уровень репрессий удалось лишь снизить.

По-прежнему маленький гражданин, подрастающий в нашем государстве, с пеленок впитывал некие негласные табу, которые в дальнейшем сопровождали его во взрослой жизни.

Нельзя было читать и хранить литературу, порочащую советскую власть, коммунистическую партию и ее вождей.

Нельзя было слушать «вражеские голоса», то есть радиостанции, вещавшие на русском языке из-за рубежа и рассказывавшие «правду» о положении в стране. Эта «правда» тоже была с перекосом в сторону негативных явлений. «Голоса» подавлялись так называемыми «глушилками» – радиостанциями, передававшими в эфир шум на тех же частотах. Это был непрерывный, отталкивающий, невыносимый вой. Нельзя было без ведома властей – как советских, так и партийных – создавать никакие организации, группы, кружки и союзы.

Нельзя было торговать со своею выгодой купленным в государственном магазине. Это называлось «спекуляция». Спекулянтов не любили, они, по общему мнению, наживались неправедно. Тогда как нынче это вполне законный «бизнес».

Продажа вещей, купленных или выменянных у иностранцев, называлась «фарцовкой» и тоже преследовалась. А скупка и продажа иностранной валюты преследовались с особой жестокостью. Как раз в том году, когда родился Цой, были осуждены и расстреляны трое «валютчиков» – советских граждан, которые путем денежного обмена сколотили себе неплохие состояния. Теперь этим занимаются все банки, но частным лицам зарабатывать валютными операциями по-прежнему нельзя.

Нельзя было без разрешения собираться в группы для выражения каких-либо мнений, показа лозунгов и транспарантов, агитации и пропаганды среди населения. Когда Цою было шесть лет, в августе 1968 года, группка молодых людей в составе всего пяти человек вышла на Красную площадь и развернула плакат, протестующий против ввода советских танков в Чехословакию. Их повязали буквально через пять минут и приговорили к серьезным тюремным срокам.

Протестующие против режима люди назывались «диссидентами», их всячески ругали в газетах и устраивали суды. Как раз на время младенчества Цоя пришлось два громких процесса по делам литераторов-диссидентов. Сначала судили Андрея Синявского и Юлия Даниэля, двух московских литераторов, которые публиковали за рубежом антисоветские книжки под псевдонимами. Их долго вычисляли, наконец, поймали, судили и приговорили к тюрьме и последующей ссылке. В газетах был большой шум по этому поводу. Советские

люди громко осуждали «предателей». Конечно, эти осуждения были инспирированы, но в реальности к диссидентам действительно относились подозрительно и враждебно.

Второй процесс был чуть позже, и судили не диссидента, а поэта, который ничего прямо враждебного власти не писал, однако поведение его было сочтено «вызывающим». К тому же он «не работал», то есть не числился ни в каком учреждении, а писал стихи и занимался переводами. Звали его Иосиф Бродский, через пару десятков лет он стал Нобелевским лауреатом. А тогда отправился в ссылку. И тоже под гневные голоса трудящихся.

Чего же им всем надо? – вопрошали обыватели. Страна живет все лучше, уже летаем в космос, строятся новые дома и школы, наши спортсмены побеждают на соревнованиях…

Многие относились к протестующим нейтрально, как и к властям, впрочем. То есть понимали правила, по которым надо жить, и мирились с ними. В конце концов, надо было работать, заниматься семьей и детьми, развлекаться, – одним словом, жить. И если не лезть в бутылку, жить было вполне возможно.

Думаю, что семья Цоев относилась именно к этой преобладающей категории населения. Вряд ли мальчик с детства слышал антисоветские анекдоты, споры о Сталине или обсуждения политики правительства. Его отец был склонен к тихим мужским радостям: рыбалке, шахматам, домашним поделкам. Матери тоже было не до этого, потому что Роберт Цой был для нее, по ее собственному признанию, «вторым ребенком».

Валентина Цой (из интервью автору, 2007):

«В садике определились Витины художественные наклонности. Воспитательница мне как-то сказала, что в садик приходил художник и сказал, что Витя хорошо рисует. И на выпускном в садике ему подарили книжку и сказали: это наш художник. Он и дома все время рисовал. Мы когда въехали в квартиру, нищие совсем были, мы его рисунками все стены завесили. Как-то один оперный певец к нам пришел и удивился – как хорошо он у вас рисует! Так что потихоньку мне все капали и капали на мозги по поводу рисования. То есть я видела, но оценить-то сама не могла!

В первый класс он пошел тут неподалеку, а на второй-третий класс я выбрала ему учительницу (я в этой школе работала, на Волковском, во Фрунзенском районе), она такая, как бабушка Аринушка – с косой, немножко окает, добрая и строгая. Ее звали Анастасия Ивановна, она умерла уже. И я знала, каких она детей воспитывает, какая атмосфера у нее в классе. То есть Витя в первый класс ходил рядом с домом, соседка водила вместе со своим сыном, ей нравилось, что они дружили, но ее сын был неуправляемый абсолютно. А второй-третий класс он ходил ко мне в школу, и я поставила себе задачу – определить способности ребенка.

Он учился почти на одни пятерки, и когда какая-нибудь комиссия приходила, его всегда вызывали, потому что он очень хорошо и толково говорил. Он был способный. Потом пошло немного хуже. Но ругать – что толку? Вот он в вашей книжке всюду говорит (я ее всю прочитала): я абсолютно самостоятельный, я все делаю сам, я независимый… Но я считаю, что это моя заслуга – установки на будущую жизнь, что можно без криков, без хамства, без оскорблений… Почему дети из дома убегают? Вот поэтому. А Витя никогда не хотел уйти из дому. Я сохраняла ему дом как могла. При всех выкрутасах, которые у него потом были, позже, уже с Пановым…»

Витя Цой жил нормальным советским мальчиком. Его рисунок, занявший второе место в городском смотре-конкурсе художественных школ, изображал перрон и уходящий поезд с

надписью «Все на БАМ!». Конечно, эта надпись сыграла свою роль в присуждении призового места, но едва ли Витя поставил ее с этим расчетом.

И все-таки что-то выделяло его из окружения. Не только восточная внешность, не сильно досаждавшая Цою, хотя он вспоминает в одном из интервью, что его в школе дразнили «японцем». Почему не «китайцем», кстати? Совершенно непонятно.

Его выделяла склонность к чтению. (Нынче читающих мальчиков не так много, большинство предпочитает игры и развлечения.) Важно, что именно читал Цой – это были книги из серии «Жизнь замечательных людей». А кто в детстве не мечтал стать «замечательным», то есть прежде всего знаменитым? Можно с большой уверенностью предположить, что маленький Витя вычитывал из этих книг рецепты, как стать знаменитым. К сожалению, не сохранилось свидетельств о том, какие именно звездные судьбы изучал Виктор Цой по книгам. Были ли это путешественники, ученые, писатели?

Между прочим, уверенность Виктора Цоя в том, что все можно просчитать и рассчитать заранее – и успех песни, и успех группы, – идет именно отсюда. Здесь, в этих книгах, писатели препарировали успех своих героев, раскладывали его по полочкам (удачно или неудачно), и неизменно получалось одно – для жизненного успеха требовались три составляющих: талант, труд, удача.

Позволю себе немного порассуждать на эту тему, поскольку уверен в том, что эту книжку сейчас читает какой-нибудь мальчик, мечтающий о славе рок-музыканта. Или о славе поэта. Он ищет в себе талант, он раздумывает, в чем должен состоять его труд, его жизненная работа, и он надеется на удачу.

О таланте

Мы начнем с таланта. Это необходимое, но недостаточное условие успеха. Кроме того, талант на удивление многолик, его составляют разные качества в разной пропорции.

В чем состоял талант Виктора Цоя? Как он узнал о нем? Как он развивался? Конечно, мы можем лишь догадываться, сопоставлять и делать выводы, которые могут оказаться верными, а могут и нет. Тогда для чего это?

Просто каждый человек вольно или невольно размышляет о своем таланте и сравнивает себя с теми, кого он уважает, любит и кому старается подражать.

И прежде всего его занимает: а есть ли у меня талант? Многие мучаются этим вопросом всю свою жизнь.

По моему глубокому убеждению, абсолютно бесталанные люди встречаются так же редко, как абсолютные гении. В каждом человеке заложены от рождения (еще говорят – от Бога) какие-то способности. Беда в том, что они не всегда ярко проявляются, человек о них не знает и может никогда не узнать. Для того чтобы узнать о них, он должен пробовать чем-то заниматься или хотя бы интересоваться, чем занимаются другие.

Детство и юность на то и уходят, чтобы человек постарался обнаружить свой талант или чтобы ему на него указали другие – взрослые или сверстники. Допустим, получается у тебя ловко пинать мяч ногами и играть в футбол. Так что же – это талант футболиста? И тебе уготована карьера короля футбола Пеле? Совсем нет. Просто у тебя есть некоторые способности к футболу, которые можно развить, а можно и не развивать – просто гонять иногда мяч, если тебе нравится.

Как мы видели, у Цоя в раннем детстве были обнаружены способности к рисованию. Их обнаружили мама и воспитательница детсада. Другая воспитательница – музыки – сказала маме, что у Вити хорошая ритмика. Ее проверяют, выбивая ладонями какую-нибудь ритмическую фигуру, фразу, которую ребенок должен повторить. И маленькому Цою это легко удавалось.

Но от этой элементарной способности до карьеры музыканта еще огромная дистанция.

К сожалению, не все способности могут проявиться в детстве, они обнаруживаются только в процессе учебы, а то и еще позднее. Например, разве могут в детстве обнаружиться способности конструктора ракет? Тем более, когда этих ракет еще не придумали?

Но интерес к полетам, авиации может пробудиться – хотя бы в виде мечты. И дальше шаг за шагом привести к ракетам и покорению космоса, как это произошло с великим конструктором Сергеем Павловичем Королевым.

Мог бы он стать футболистом?

Наверное, мог. Но не таким блестящим, как конструктор ракет.

Мог бы Цой стать художником?

Тоже мог, тем более в этом направлении, как мы увидим, были сделаны определенные шаги. Но стал музыкантом, что вовсе не значит, что художником он был бы плохим.

Все видели игру «дартс». Заключается она в том, что играющие по очереди кидают маленькие дротики в мишень, разделенную на секторы. И если ты попадаешь в нужные секторы, ты набираешь больше очков, а если попал в центр, в «яблочко» – ты победитель!

Твой талант – это мишень, а дротики – это твои усилия, твои попытки угадать (угодить) в самый центр мишени, в тот талант, который принесет тебе наибольший успех.

Правда, ты сам должен решить, что же такое для тебя этот «успех».

Об успехе

Казалось бы, это понятно всем. Успех – это слава и деньги. Многие считают при этом, что безразлично – какая слава. Неважно, что о тебе говорят, лишь бы говорили, показывали по телевизору, брали интервью, печатали твои портреты в журналах и газетах. И деньги тоже не пахнут. Заработал ли ты их тяжелым трудом, заплачены ли они за что-то стоящее, что ты сделал, или же свалились с неба благодаря твоей популярности, пусть даже скандальной.

Неважно также, как многие думают, – сам ты добился славы, начав с нуля, с бедности и безвестности, или в тебя «вложили деньги» и «раскрутили» с помощью прессы и телевидения. Я не буду называть конкретных имен, но все мы знаем такие музыкальные и немузыкальные «проекты», которые создаются с помощью денег, как правило, живут они совсем недолго.

Если все это тебя не смущает – вперед! Лови свою славу за хвост любыми способами и превращай ее в деньги, или в бабло, как нынче говорят. Само это слово с оттенком презрения возникло как раз по поводу таких денег и таких людей, которые ничем не брезгуют.

Но ежели тебе не все равно, за что и почему тебя любят сотни тысяч людей, а миллионы обсуждают твои песни или книги, тогда нужно приготовиться к трудному пути и непредсказуемому результату.

Есть, правда, и другой взгляд на жизненный успех, связанный с творчеством. Его точнее всего сформулировал поэт Борис Пастернак:

Быть знаменитым – некрасиво.
Не это поднимает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись…

И дальше:

Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

С последними словами все ясно. Действительно, постыдно пользоваться популярностью, ничего не имея за душой. Этого не понимают или не желают понимать многие эстрадные кумиры. Но вот что такое эта самая «самоотдача», которая названа целью творчества?

Разве цель не стихотворение, не песня, не фильм или картина, которые создаются, чтобы показать их людям?

Получается, что нет. Самоотдача – это то, сколько любви, души, сердца, всего себя ты вкладываешь в то, что делаешь. Это стоит на первом месте. А результат – на втором. Под результатом, кстати, здесь понимается совершенство созданного.

Короче говоря, это стремление к абсолюту, или к Богу, иными словами.

Что же можно сказать о Викторе Цое? Какого рода художником он был? Что понимал под успехом? Безусловно, ему очень важно было, чтобы его песни слушали, чтобы их любили. Но при этом Виктор не раз подчеркивал, что это возможно только при одном условии – если эти песни будут честны. В этом слове – «честность» – он объединял душу, любовь и стремление к абсолюту. И поэтому ему вовсе не хотелось «быть притчей на устах у всех» ничего не знача.

Он хотел значить, и ему это удалось. В этом его отличие от многочисленной попсы, с одной стороны, а с другой – от тех творцов, которые замыкаются в «башне из слоновой кости», как говорили раньше, и там добиваются абсолюта, не очень заботясь о публике.

Об удаче

Говоря об удаче как составляющей успеха, следует помнить, что она часто приходит к тому, кто умеет прислушаться к указаниям Господа Бога, или судьбы, если будет угодно.

Есть люди, умеющие слышать эти советы и указания, но есть и упрямцы, которые верят в свою удачу, даже если ничто ее не сулит.

Скажите, разве занятия музыкой, которым посвятил себя Цой уже в тринадцать-четырнадцать лет, сулили ему удачу? Что у него было за душой? Ни музыкального образования, ни творческой среды, ни особых музыкальных способностей. Но он поверил именно в эту удачу и нашел ее. А значит, сумел уловить некий намек, некий совет свыше. Откуда-то появилась эта надежда, ставшая уверенностью, что путь этот не тупиковый.

Но откуда?

Если бы Витя Цой не стал тем Цоем, о котором мы говорим, он продолжал бы сейчас играть со своею командой по клубам, тщетно добиваясь внимания радиостанций и широкой публики, и был бы как раз таким неразумным упрямцем, занимающимся не своим делом.

Я вовсе не имею в виду «молодую шпану» рок-н-ролла, которая сейчас играет по клубам и отсылает свои синглы ди-джеям радиостанций. У них еще все впереди. Как знать, может, и они поймают свою удачу. Я говорю о сегодняшнем дне, когда Цою было бы уже ближе к пятидесяти, чем к сорока. Ведь если тебе за сорок и ты все еще не состоялся, значит, скорее всего, ты не услышал совета Господа Бога.

А если ты его услышал и у тебя есть талант, значит, остается лишь потрудиться. Но потрудиться тяжело.

О труде

Все в один голос утверждают, что Цой был невероятно ленив.

Если он имел возможность лежать, он лежал. Если лежать было нельзя, он сидел, положив длинные ноги на стол и всем своим видом изображая безмятежность. Он никуда не спешил, и уговорить его куда-то пойти и что-нибудь делать было непросто.

Он часто бывал расслаблен, никуда не торопился, и, казалось, все ему было, как говорится, по фигу.

Однако нет ничего обманчивее внешнего впечатления. Если человек ничего не делает, это совсем не означает, что он не трудится.

Этим трудом уже проели плешь не одному молодому поколению, хотя у него и нет плеши. «Без труда не вынешь и рыбку из пруда!» – наставительно подняв палец, говорит какой-нибудь дед, будто он выловил этих рыбок вагон и маленькую тележку.

А зачем их ловить? Пусть себе плавают в пруду.

Ловить нужно то, что тебе важно и по силам. И если нужно ловить кайф, то лови его, а не рыбок. Но не забывай, что одним кайфом сыт не будешь, а рыбки все же утоляют голод.

Витя Цой любил ловить кайф. Только под кайфом он понимал не алкоголь, наркотики и женщин, а музыку. Он мог часами сидеть, перебирая струны, напевая себе под нос, и с виду казалось, что это просто человек дурью мается, но на самом деле это и была его работа – нотку за ноткой, слово за словом выстраивать песню, перебирая и отметая множество вариантов.

И когда человек сидит в мечтательной позе, положив свои длинные ноги на стол, это не всегда означает, что он ни черта не делает. Он в эти минуты часто занят сочинительством или грезит о будущей ослепительной славе.

Так что оставим рыбок в покое.

Каждый трудится, как умеет, но судят по результатам.

Итак, в биографии Вити мы остановились на том времени, когда он в 12 лет начал посещать художественную школу и был отмечен педагогами как способный мальчик.

Именно на это время приходится один совершенно нетворческий эпизод его биографии, а именно – уход отца из семьи.

Но как знать, возможно, что это потрясение и было самым «творческим» эпизодом в жизни маленького Цоя.

Об этом мне рассказывала сама Валентина Васильевна.

Валентина Цой (из интервью автору, 2007):

«Мы всю жизнь прожили в Московском районе. Я Витю принесла из роддома в дом, который напротив Ленина стоит на Московской площади. Московский, 193, мы все там жили с родителями, в двухкомнатной квартире. Сестра моя еще жила там, которая сейчас парализована. А роддом находился у Парка Победы – маленький, двухэтажный, потом построили новый, а там сделали какую-то базу. С родителями мы жили до 1966 года. За это время мы построили кооперативную квартиру, которая находилась на Космонавтов, 96. Я по лагерям ездила с Витей на руках – зарабатывала. Отец с матерью помогали мне, конечно, с Витей сидели немножко. Работала физруком, вожатой. А Роберт ездил в Воркуту зарабатывать, на шахту, но работал там инженером, а не как чернорабочий. В общем, как-то скопили, немножко заняли и купили двухкомнатную квартиру. И прожили мы там до развода, Вите было тогда одиннадцать лет, 73-й год, значит. Он поехал на сенокос от

работы – нас всех тогда посылали – встретил молодую девчонку, на 15 лет младше. Приехал, говорит: „Валя, я полюбил!“ И все, ушел.

Я таких людей не понимаю, я серьезный человек. А он вот и первый, и второй раз так – „полюбил, и все“. Но он способен на долгие отношения, это я в нем ценю. Первый раз мы с ним тринадцать лет прожили, второй раз – семнадцать. Он ведь потом вернулся – сделал там ребенка и пришел ко мне абсолютно несчастный и больной. Ну, я его пожалела тогда – он ведь слабоватый такой, ну как второй ребенок у меня был. Он ведь из хорошей семьи, довольно богатой, и какие-то жизненные неурядицы, проблемы его не просто пугают, а даже могут сломать. К тому же это все-таки отец ребенка, главный мужчина для мальчика, поэтому я не жалею, что его вернула. А если у той совести хватило увести его у меня и моего ребенка, а ей тогда 21 год был, и ни образования у ней, ничего. И когда она оказалась в моей шкуре, я была абсолютно спокойна – она хотела осиротить моего ребенка, почему я должна теперь беспокоиться о ее ребенке? Короче, я Роберта приняла. Поживем – увидим, говорю. Через год он опять ко мне: „Валя, пойдем, зарегистрируемся“. Я одной газете давала интервью и сказала, что я первая, третья и пятая жена. А что тут такого? Я спасала семью, берегла сына».

В те времена принято было посылать научных сотрудников и инженеров осенью «на картошку», а летом «на сено». Такие бригады выезжали в совхозы, селились там обычно в клубах, днем работали на полях, а вечерами пили вино, пели песни и, как могли, скрашивали свой досуг.

Я сам бывал в таких трудовых лагерях, было там весело. Об этом примерно в то время, в 1973 году, я написал маленькую повесть «Сено-солома». Там речь как раз о такой «совхозной» любви, за что мне в свое время досталось и от «Литературной газеты», и от местного комсомольского начальства.

Мол, надо трудиться, а они пьют вино и песни горланят под гитару.

Замечу, что технических средств для скрашивания досуга было совсем немного – портативный приемник «Спидола» (это считалось очень крутым) или магнитофон с бобинами (везти который «на картошку» было слишком большим шиком и нелегким трудом – он был очень тяжелым, а бобины занимали немерено места). Основным средством, как правило, была гитара. И песни, какие кто знал.

Такие вечерние посиделки в полутьме, при свете костра, очень сближают, никуда не нужно спешить, все домашние заботы остались где-то далеко, есть возможность почувствовать себя молодым и свободным.

Множество любовных романов вспыхнуло на этих кострах, «создающих уют», вспыхнуло и погасло вместе с догоревшим огнем.

Но не у всех.

Существует редкая порода мужчин, которые считают необходимым жениться, влюбившись. Насчет правильности такого подхода есть разные мнения, потому что, если человек влюбчив, свадьбы могут происходить слишком часто. Это не очень удобно, всякая перемена брака связана с огромным количеством бытовых проблем, так что в них может утонуть любая влюбленность.

Поэтому женятся лишь некоторые, а «некоторые так», как поется в одной известной песне.

Отец Цоя не хотел «так». Он оформил развод и ушел к другой.

Можно только догадываться, какие переживания выпали на долю одиннадцатилетнего мальчика – все это означало крушение мира, в котором он привык жить. Кстати, главным

аргументом, оправдывающим тех некоторых, которые «так», является именно желание не разрушать мир ребенка. Кому-то это удается.

Конечно, Валентине тоже пришлось нелегко, однако энергии ей было не занимать, она осилила и размен квартиры, и переезд, а вдобавок записала Витю в художественную школу на канале Грибоедова, куда Цой и стал ездить три раза в неделю.

Слова школьной учительницы рисования о том, что у мальчика есть способности, запали ей в душу. Она решила, что сын станет художником.

Валентина Цой (из интервью автору, 2007):

«Меня все мучило, что он такой способный, а я ничего не делаю. Я его устроила в ДПШ (Дом пионеров и школьников), в третьем классе, на рисование. Поводила-поводила туда, вижу – не могу, не успеваю. Мы ушли оттуда. В четвертом классе, думаю, все равно надо что-то делать. И устроила его в изостудию при Дворце пионеров.

Было там родительское собрание. Вел его один художник, он сказал: в группе тридцать пять человек, я про всех говорить не буду, скажу только про самых-самых. И сказал сначала про одного мальчика – ну все, одни плюсы. А второй Виктор Цой. Родители есть Виктора Цоя? Я встаю, такая, с косой – русская-русская. Он даже опешил. Вот, говорит, мальчик может очень хорошо рисовать, только если он не хочет, его нельзя заставлять. Но если хочет, то рисует бесподобно. То есть все отмечали, что он очень способный.

И тут мы как раз развелись, переехали на Пулковскую, в однокомнатную квартиру (а Роберт взял комнату при размене), там метро„Звездная“ рядом.

Я стала искать художественную школу рядом с метро. Позвонила „09“ и прямо так и спросила. И мне сказали: городская художественная школа „Казанский собор“. Там, где Банковский мост. Я туда пошла с ним, с рисунками и со всем, что было, и его сразу взяли. Он поступил и четыре года там учился. Вот так он формировался.

В шестом классе его наградили книгой – он занял второе место в городе по рисованию. Все художественные школы участвовали.

Помню, приносит нам приглашение: в Этнографическом музее выставка детских работ. Мы пошли. Искала я, искала работу, едва нашла. Рисунок такой маленький! Там был изображен поезд – три вагона, платформа, ребята, один с гитарой, а на вагонах так крупно-крупно написано: „Все на БАМ!“ Помните, была тогда такая тема? И ему за композицию дали второе место.

Что я хочу сказать – у него был талант попадания во время. Он ведь мог любую тему взять, а он взял политическую. И его песни тоже, они попали во время, в свое время. Бывают художники, картины которых только через сто лет могут оценить, открыть, а у Вити это чутье своего времени было.

В пятом классе я хотела отдать его в среднюю художественную школу с интернатом, потому что мне очень тяжело было его возить, а мне сказали: городских в интернат не берем. Школа эта была на Васильевском, очень далеко от нас. Чтобы возить его туда, надо было нанимать специальную няньку.

В пятом-шестом классе мы ему подарили маленькую гитару, по возрасту. Я что хочу сказать: что его все хвалили, ему было, за что себя уважать, и его совсем не угнетало, что он кореец.

> В восьмом классе мы опять переехали, он опять пошел в другую школу, мы у парка Победы стали жить, в доме со шпилем. Отец мой умер, и мы с матерью и сестрой Верой объединились и переехали в эту квартиру. И тут Роберт вернулся. Витя обрадовался, конечно. Но Роберт такой отец (дело прошлое, конечно, но я скажу). Вот он ушел, но жил-то в этом городе, но три года с сыном не встречался! Первое время еще чуть-чуть было. У Вити была операция аппендицита, и я позвонила Роберту: так и так, Витя в больнице. Он сходил раза два. А потом потихоньку исчез. Я ведь была не против – ради бога, встречайтесь с сыном, только не у меня в квартире. Гуляйте где хотите. Витя уже не маленький, гуляйте вместе! Но он не приходил.
>
> А когда Роберт захотел вернуться, я с Витей поговорила: ты хочешь, чтобы отец вернулся? Он сказал: да. Мне мать потом говорила: Валя, неужели ты не помнишь, когда Роберт пришел, Витя кинулся и повис на нем? А я этого не помню.
>
> И второй его сын, который у той женщины. Леонид его имя. Когда Роберт ко мне вернулся, ему был годик, и Роберт как-то украл его – сказал, что пойдет погулять, и принес его мне показать. Жалко было, конечно, но своего сына жальче! Та ведь моего мужа крала, моего сына не жалела! Пусть теперь поживет одиночкой сама с ребенком, узнает, каково это».

Попытаемся разобраться в этом хитросплетении школ, разводов и квартир.

Итак, в 1966 году, когда Вите было четыре года, молодая семья Цоев покинула квартиру отца Валентины напротив Дома Советов (Московский проспект, 193) и переехала в собственную двухкомнатную квартиру на проспекте Космонавтов, 96. Там прошло детство Цоя, там он поступил в школу и учился до четвертого класса, пока в 1973 году родители не развелись в первый раз. И тут произошел первый размен. Витя с матерью отправились жить в однокомнатную квартиру на Пулковской улице, в доме № 17. А Роберт Максимович получил при размене комнату.

Там Витя пошел в другую школу, № 356, но проучился в ней недолго, до нового размена, когда после смерти отца Валентины она решила объединиться с матерью и сестрой и все вместе поселились в известном «доме с башенкой» на Бассейной, 41, угол Московского проспекта.

Валентина Васильевна говорит, что на этот размен она решилась, поскольку знала о том, что мать и сестра нуждаются в поддержке. Почему они в ней нуждаются, Витя скоро увидел воочию.

Туда же, на Бассейную, пришел снова Роберт Цой, не найдя счастья со второю женой. И был принят, а свою комнату в коммуналке припас для сына. Она ему потребовалась только через десять лет.

У парка Победы Виктор поступил в школу № 507 на улице Фрунзе, 22, в которой и окончил восемь классов в 1977 году.

На этом общеобразовательная школа для него завершилась, заканчивать десятилетку ему не пришлось, потому что дальше среднее образование он продолжил в Серовке, как называли Художественное училище имени Серова. К тому времени за плечами Вити были четыре года посещений городской детской художественной школы на канале Грибоедова, 26, куда мы сейчас и вернемся.

Итак, Цой отдался рисованию и художественной школе, где завелись новые знакомства.

Надо сказать, что Витя вопреки своей сдержанности, молчаливости и внешней замкнутости был человеком в высшей степени компанейским. Не в смысле «душа общества» или

«душа компании», а в смысле верности друзьям и готовности идти вместе с ними в огонь и в воду.

Недаром одной из первых песен Цоя была песня о его друзьях.

Первым из них стал его сверстник Максим Пашков, с которым Витя познакомился в художественной школе на канале Грибоедова в 1974 году.

Начиная с Максима в жизнь Цоя стали входить другие люди, с которыми его сводила учеба или случай. Многие из них сыграли свою роль в его жизни.

Цой был компанейским человеком, но не лидером по натуре, скорее, он был «звездой», но до времени скрытой. Есть такая классификация людей по их психологическим качествам. Одни любят лидировать, увлекать за собой, распоряжаться, другим наиболее комфортно чувствовать себя чуть в стороне, в гордой и красивой позе, которой любуются и аплодируют.

Но Цой, будучи от рождения человеком умным, понимал, что аплодировать пока нечему. Он ничем не выделялся среди сверстников, кроме восточного разреза глаз и молчаливости. Поэтому до времени он был в массовке, был «человеком толпы».

Куда все – туда и он. Но при этом сам по себе. Как это сочеталось – непонятно.

Чтобы выделиться по-настоящему, надо было завоевать мир. Но чем?

Когда человек начинает задаваться такими вопросами, детство его кончается.

1975–1978
Максим Пашков и «Палата № 6»

Максим Пашков был в те годы прямой противоположностью Цою. Если продолжить ту же психологическую классификацию, то Макс был и лидером, и «звездой». Он учился в английской спецшколе, его отец тоже был инженером, а мать переводчицей. Важно, что отец Максима был меломаном, любил джаз и сам играл на гитаре.

С его помощью Максим освоил семиструнную гитару, потом пробовал играть на фортепьяно. Но главное – он слушал записи музыки в большом количестве, всю джазовую классику. Эллингтон, Армстронг, Элла Фицджеральд, Майлс Дэвис… Слава Богу, гениев джаза в Америке хватало.

А на дворе уже была середина семидесятых. Во все окна и двери стучалась рок-музыка. Взорвалась, блеснув ослепительной вспышкой, будто ядерная бомба, группа Beatles, оставив после себя не только фейерверк прекрасных песен, но и миллионы юных сердец и умов, навсегда зараженных или заряженных идеей рок-н-ролла. Уже в СССР появились первые рок-группы, поющие на русском языке. На танцевальных вечерах играла группа «Санкт-Петербург» во главе с Владимиром Рекшаном, первые бобины записывали «Машина времени» в Москве и «Аквариум» в Ленинграде.

Мальчишки, вступающие в «переломный» возраст, грезили рок-н-ролльным будущим. Их число измерялось сотнями тысяч. Из них лишь сотни стали музыкантами, десятки – известными, единицы – «звездами».

Лишь один стал Цоем.

И до этого времени было совсем не так много, всего каких-то двенадцать-тринадцать лет, но невообразимо далеко, если вспомнить, на какой начальной позиции находился Витя Цой в середине своей короткой жизни, то есть в четырнадцать лет.

Он практически не умел играть на гитаре, не говоря о каком-либо музыкальном образовании, до этого не имел никакого музыкального или просто художественного окружения, жил в семье очень среднего достатка, – родители не могли обеспечить ему ни учебу, ни инструменты. И он был полукровкой, то есть немного «не своим».

Можно, конечно, говорить о таланте и удаче. Но я хотел бы подчеркнуть, что сам Цой не в меньшей мере способствовал своему взлету. И прежде всего тем, что умел выбирать друзей, умел взять от каждого самое ценное, что друг мог ему дать.

И платил другу тем же.

Максим Пашков (из интервью автору, 1991):

«Первое время мы с Витькой совсем не дружили. Вся группа быстро разделилась на компании, которые либо исподтишка издевались друг над другом, либо просто дрались – обычные мальчишеские дела. И Витя сначала был в другой группировке. Потом мы стали чуть постарше, драться уже стало не так интересно, и у нас возникло новое увлечение. Стало очень модным носить значки с фотографиями рок-звезд. Таких значков тогда было практически не достать, поэтому вся группа носила их по очереди. Последнее время я часто об этом вспоминаю, когда вижу в метро каких-нибудь тинейджеров с Витькиными фотографиями на значках. Как странно все вышло…

Сам я лет с семи на гитаре играю. Так получилось, что все знакомые мальчишки что-то лабали на гитарах, и отец у меня немножко умел. Так что я с первого класса начал осваивать инструмент. А лет в двенадцать у меня

просто бзик появился. Мне тогда отец давал слушать Элвиса Пресли, Beatles, Джонни Холлидея. И настолько это меня зацепило, что я даже начал какие-то песни на английском языке писать, благо я в английской школе учился. На этом мы с Витькой и сошлись.

Я не помню сейчас, как это все произошло, но потихонечку мы начали играть вместе. Лет в тринадцать. Вернее, играть-то сначала не получалось, потому что он совсем еще не умел, и мне приходилось все показывать. У меня тогда было несколько гитар, но все какие-то разбитые, старые. У Витьки тоже, по-моему, была гитара. И это занятие нам нравилось куда больше, чем наше рисование, так что в конце концов мы погрузились только в музыку. Нашелся еще человек, который стал с нами играть, и у нас образовалась целая группа – с ударником, который бил в пионерский барабан. Потом с большим трудом мы купили в комиссионном магазине бас-гитару за сорок рублей. Ее мы вручили Вите, поскольку учиться играть на ней легче – всего четыре струны.

Так и распределились роли в группе: я играл на шестиструнке, Витя – на басу и барабанщик с пионерским барабаном. Тогда группа еще никак не называлась. Название „Палата № 6“ возникло позже, когда мы стали постарше и как-то определили свой стиль. К тому времени мы уже хорошо знали хард-рок, и кумиром нашим была группа Black Sabbath. Мы пытались работать под них, точнее, у них учиться. Проводили массу времени, снимая с магнитофона все возможные гитарные пассажи.

Барабанщики у нас все время менялись, тем не менее, играли мы всегда втроем».

В те времена, впрочем, как и сейчас, каждый второй подросток мечтал создать свою группу. Умение играть на каком-нибудь инструменте, петь или даже обладать музыкальным слухом были совершенно не важны. Важно было иметь желание и клевое название для группы.

На поиски названия уходила уйма времени. Больше, чем на репетиции. Недаром Макаревич пел: «Как вы лодку назовете, так она и поплывет». Если бы Цою тогда сказали, что группа, в которой он прославится, будет называться «Кино», он бы не поверил. Это было слишком просто.

Поэтому первая группа, в которой играл Цой, называлась «Палата № 6».

Те, кто читал этот чеховский рассказ, знают, что речь там идет о палате в сумасшедшем доме, где обитают несколько психически ненормальных людей. История одного из них, Ивана Громова, рассказана Чеховым подробно.

Рассказ производит тяжелое впечатление, настолько безысходной там показана жизнь. Меня интересует, чем же поразил подростков этот рассказ? Почему они решили, что группа должна называться именно так?

Если они его читали, конечно.

Будем предполагать, что это так. Тем более что Чехова тогда изучали в школе чуть ли не в шестом классе, то есть именно в ту пору, когда Витя и Максим повстречались и подружились. Неизвестно, кто предложил это название, но можно предположить, почему оно возникло.

Возраст тринадцать-пятнадцать лет у мальчишек принято называть «переломным». Ломаются представления о мире и о собственном месте в нем. Человеку кажется, что он уже взрослый, но его «никто не любит, никто не понимает», как поется теперь в песне группы «Тайм-аут».

А ему уже есть, что сказать о мире, но его не слушают.

> «Речь его беспорядочна, лихорадочна, как бред, порывиста и не всегда понятна, но зато в ней слышится, и в словах и в голосе, что-то чрезвычайно хорошее. Когда он говорит, вы узнаете в нем сумасшедшего человека. Трудно передать на бумаге его безумную речь. Говорит он о человеческой подлости, о насилии, попирающем правду, о прекрасной жизни, какая со временем будет на земле, об оконных решетках, напоминающих ему каждую минуту о тупости и жестокости насильников.
>
> Получается беспорядочное, нескладное попурри из старых, но еще не допетых песен…» (А. П. Чехов, «Палата № 6»).

Песни только брезжили в их сознании, но подростки уже ощущали, что живут в палате для душевнобольных, что к ним относятся как к психически ненормальным.

И самыми лучшими минутами были минуты одиночества, когда учителя, родители, взрослые оставляли их в покое или от них удавалось улизнуть, и тогда перед ними открывался правильный мир, где они были свободными людьми, в руках у них были гитары, и весь этот мир слушал их песни.

Принято считать, что группа «Палата № 6» была создана в 1977 году, когда Максиму и Вите было по пятнадцать лет. Но подготовка к ее созданию, несомненно, началась раньше, когда мальчики находили общие интересы, когда Макс как более «продвинутый» в музыке знакомил юного Цоя с тем богатством, которым располагал.

Иногда они прогуливали школу и собирались у Пашкова, когда дома не было родителей, редко у Цоя, где условия были похуже. В трехкомнатной квартире у парка Победы Витя жил в проходной комнате, и его тетка с бабушкой непрерывно маячили туда-сюда. Обе любили выпить, в доме появлялись какие-то собутыльники, звенели бутылки и стаканы, слышались пьяные разговоры, родители работали до позднего вечера, так что Витя не любил бывать дома.

Вот что рассказывает о Пашкове и группе «Палата № 6» известный историограф русского рока.

> **Андрей Бурлака (из рок-энциклопедии, т. II):**
>
> «Максим родился 8 августа 1962 года в Питере. Его родители, военный инженер и переводчица, не имели прямого отношения к миру искусства, но увлекались современной музыкой и собирали ее записи. По воспоминаниям Пашкова, его первым увлечением стал джаз – он с удовольствием слушал Дюка Эллингтона и других звезд мейнстрима – и только подростком переключился на Элвиса, Джонни Холлидея и, конечно, The Beatles, музыка которых повлияла на него сильнее, чем что-либо другое. В 1969-м Максим поступил в 232-ю английскую спецшколу, а в пятом классе родители определили его еще и в детскую художественную школу на канале Грибоедова. К тому времени он – с помощью отца, который неплохо играл на семиструнке – освоил гитару, а потом фортепиано и другие инструменты.
>
> Чуть ли не все ученики художественной школы бредили рок-музыкой, однако Пашков оказался единственным из них, кто умел играть ее. В первый же год обучения он познакомился с Цоем, который владел старенькой гитарой и знал пару простых аккордов. Некоторое время они вдвоем бесцельно бренчали на гитарах – благо, у Пашкова-старшего их было несколько, – после чего Максим решил сколотить из одногруппников трио, которое ему пришлось учить играть на своих инструментах: так Виктор Цой стал бас-гитаристом („у нее всего четыре струны, да и партии попроще“), а Виталий Соколов – барабанщиком. Экипировка группы потребовала

больших финансовых вливаний: Цою, в конце концов, в складчину купили в комиссионке бас-гитару, а Виталику пришлось довольствоваться пионерским барабаном и какими-то железяками.

Еще никак не называвшаяся группа проводила много времени у магнитофона, на слух снимая партии инструментов, играла все подряд, правда, отдавая предпочтение Black Sabbath („у них был тот же набор инструментов, ясные мелодии и, что нам импонировало, мрачные тексты“), и изредка выступала на школьных вечерах. Так прошло четыре года. К концу этого времени Пашков окончательно потерял интерес к рисованию, решив посвятить себя музыке, а Цой еще надеялся стать художником, поэтому после восьмого класса ушел из общеобразовательной школы и поступил в училище им. Серова.

Тем не менее группа, которая к этому времени получила многозначительное имя „Палата № 6“ (мол, понимаем, в какой стране живем), не развалилась, а переехала в Серовку, где был кое-какой аппарат и уже существовала группа „Голубые монстры“. Виталий Соколов пропал из виду, но в училище отыскался новый барабанщик, Анатолий Смирнов – разносторонне одаренный художник и музыкант, который уже тогда поглядывал в сторону профессиональной сцены.

„Палата № 6“ исполняла материал Black Sabbath, Deep Purple (с непременной „Smoke On The Water“) и песни самого Макса, которые можно было определить как мелодичный хард с нарочито чернушными текстами. Группа регулярно и с успехом выступала у себя в Серовке, а также гастролировала по соседним школам. Цой, который все первые годы посвятил борьбе с бас-гитарой, мало-помалу освоился на сцене, а также начал проявлять себя как интересный аранжировщик. Помимо того, он славился умением точно снимать партии любых инструментов, а на записях играл отдельные гитарные партии и пел вторым голосом (делать это на сцене он покуда не решался)».

Но вернемся в художественную школу.

Надо помнить, что школа «Казанский собор» не была общеобразовательной. Цой ездил туда три раза в неделю, продолжая учиться в обычной школе, точнее, в обычных школах, которые часто менялись.

И везде при первой возможности он рисовал на уроках, об этом многие вспоминают.

Дмитрий Белов, одноклассник
(из архива В. Митина):

«В начале седьмого класса, это был 1976 год, наша классная руководительница, она же завуч школы и учитель географии, привела на какое-то занятие трех новеньких и сказала, что теперь эти мальчики будут учиться с нами. Там было два офицерских сына и длинненький такой – Витя Цой.

Из нашего класса все с ним дружили и общались, каждый знал его очень хорошо, но так получилось, что именно я на многих занятиях сидел с ним за одной партой. И воспоминания мои о нем, конечно, не как о музыканте, тем более великом музыканте впоследствии, а о художнике.

Я видел, что новичок что-то рисует постоянно в тетрадке и у него хорошо получается. Я стал спрашивать: „А почему? А как?“ И выяснилось,

что он учится в художественной школе. Поэтому он был и, наверное, остался для меня скорее как художник.

Помню такой момент. Он что-то рисует на уроке, а наша учитель географии, Мария Антоновна, сзади подходит, видит это дело и начинает молотить указкой по парте, каждый свой удар по ней сопровождая фразой:

„Цой! Если бы ты был (удар) Репиным (удар), то тогда (удар) может быть (удар) я разрешила бы тебе (удар) заниматься на уроке (удар), чем хочешь. Но поскольку ты не Репин (удар) и останешься никем (удар), ты должен сидеть и слушать на моем уроке“».

Как приятно сознавать, что вот эта учительская уверенность – «останешься никем!» – блестяще опровергнута всей жизнью Цоя и многими годами после его смерти. Он стал не просто «кем-то», а человеком, любимым миллионами, и мы испытываем за него гордость.

Он смог. Он доказал, что это возможно.

Кстати, такие уроки неверия в твои силы некоторых людей обезоруживают, а других мобилизуют. Ах, вы не верите, что из меня что-то получится? Ну, я вам докажу, погодите!

Художник Алексей Пугачев (из архива В. Митина):

«С Витей мы были знакомы с девятого класса. Я жил тогда на Петроградской, а учился рядом с Сенной площадью в бывшей 2-й Петербургской гимназии вместе с его друзьями.

Была такая группа „Палата № 6“. Мой друг и одноклассник Максим Пашков сочинял для нее музыку и тексты.

Тогда еще Витя не писал ни музыки, ни текстов. Но много рисовал. Специально ничего не показывал, но когда я приходил к нему домой, он тогда жил у парка Победы на Московском проспекте, то всюду – на стенах, на мольберте, даже на полу – лежали его рисунки. Не заметить их было просто невозможно.

Кстати, с тех времен у меня сохранилась одна тетрадка, в которой сочинена и нарисована история вымышленного государства. Где все персонажи наши общие знакомые. Рисовал ее Максим Пашков по большей части. Возможно, есть в ней и рисунки Цоя. Но какие именно, теперь уже не разобрать. Но вот совершенно точно, что там нарисован Виктор в надетом на голову двурогом шлеме. Другую картину мне Витя просто подарил, нравилась она мне очень. А еще одну, на которой изображены дома и улицы, я у него выменял.

Витя сам себе шил рубашки и джинсы. А я вот, например, шить не умел. Максим тоже. Мы что-то кроили из чего-то. У меня были две перчатки. Одна красная, другая черная. Тонкие такие, лайковые. Они женские были, но их растянули в мокром виде и обрезали кончики пальцев. Вите они жутко нравились, и он все их цыганил у меня».

Тогда действительно мало кто верил, что из Вити Цоя получится выдающийся человек. Да никто об этом и не думал. Сравнить себя с Элвисом Пресли или даже с Муслимом Магомаевым никому не приходило в голову. И далеко не у всех Цой вызывал положительные добрые чувства.

Вот свидетельство одноклассника из другой компании, с которой компания Цоя враждовала и дралась, опубликованное журналом «Fuzz».

Никита Блинов (Кушаков) (с форума yahha. com):

«…С Цоем мы один год (кажется, с осени 1974-го по весну 1975-го) учились в одном классе ленинградской художественной школы, что

располагалась тогда на канале Грибоедова, возле Львиного мостика. Я отучился год и перешел в СХШ (Средняя художественная школа имени Иогансона при Академии художеств), а Цой вроде бы остался учиться дальше.

…В художественной школе мы не дружили. Мы с С. Потапенко лидерствовали в изобразительных искусствах. Цой был двоечником, недохулиганом – „пэтэушником“ на нашем тогдашнем сленге. Насмешничали, издевались, гонялись друг за другом по этажам, но до серьезных драк не доходило.

В ту пору в Китае генсерил Мао Цзэдун, и на эту тему ходили анекдоты и всякие там „ужастики“. Мы Цоя, конечно же, с ходу записали в китайцы и, как что-то случалось по телевизору либо просто вспоминалось – сразу же призывали к ответу. Не всерьез, конечно. Полудрались-полусмеялись.

Учился с нами и Максим Пашков. Стильный юноша. По манерам – сынок советских дипломатов. Джинсы, вельветовая жилеточка, модная «битловская» прическа. Вкрадчивый такой, обстоятельный полубогемный душка. Играл на гитаре. Он, как мне рассказывали потом, и преподал первые уроки аккомпанемента Цою.

Честно говоря, несмотря на то, что все-таки год мы с Цоем виделись по несколько раз в неделю, я почти ничего о нем вспомнить не могу. Ни одного яркого мнения или поступка. Разве что: как-то он взял у меня почитать книжку „Харка – сын вождя“ (забыл, как звали писательницу) – книжка ему очень понравилась, и он настойчиво уговаривал меня обменяться. Он мне дал „Спартака“ Джованьоли со своими нацарапанными авторучкой с синими чернилами виньетками; я ему – „Харку…“. „Спартак“ у меня и так имелся, он был мне неинтересен и не нужен, и по сию пору мной не прочитан (кстати, надо бы прочитать: Цой так от него тащился, что, может быть, удастся что-нибудь расплести в его характере и манере держаться по этой книжке), но ему настолько приспичило, а мне было настолько безразлично, что я уступил. Вот и всё…»

Эти воспоминания вызвали бурю негодования среди поклонников Цоя на форуме yahha. com. (Главным образом из-за упоминания о встречах с Цоем уже гораздо позже; цитировать это я не хочу, кто хочет – найдет.) Но факт остается фактом: Витя был незаметен, он ничем не выделялся в толпе своих сверстников, в отличие от того же Пашкова. И это обстоятельство впоследствии стало камнем преткновения для всех, знавших Цоя в детстве и ранней молодости: «Как же так?! Он же был зауряден – обычный пэтэушник… С какой стати из него сделали кумира? Да это же просто психоз!»

Как к этому относиться?

Конечно, близкие друзья знаменитости, тем более те, кто хорошо знал его в детстве, юности, молодости, с трудом воспринимают его взлет. Кто-то испытывает зависть, кто-то радуется, но не очень может понять – почему же это случилось? «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье…» Жил обыкновенный человек, а вдруг стал кумиром (или гением).

Дело в том, что кумир и гений, которых мы прежде не знали, входят в нашу жизнь сразу – своим артистическим образом, созданным ими самими или вместе с наставниками и продюсерами, своим творчеством, за которым тянется шлейф отзывов, восторгов, негодования, удивления и проч.

Явление «звезды» – это как яркая комета на небе.

Но для тех, кто знал это явление раньше, кто общался с человеком, он человеком и останется. А его образ займет свое место, весьма почетное, но лишь в качестве образа.

Близкие люди умеют отделять человеческое от артистического. А поклонники часто не умеют. Оттого так часты разочарования при человеческом знакомстве с любимым артистом. Ведь у того вполне могут быть обычные человеческие качества, зачастую не совсем симпатичные.

«Как же так? Он поет о любви и доброте, а на самом деле никого не любит, кроме себя, и никакой доброты в нем нет!»

Чему тут верить?

Я предпочитаю верить артисту. Если он поет так, что я начинаю волноваться, его музыка и слова вызывают во мне глубокие чувства или просто даже нравятся, – зачем мне знать, что он за человек? Я буду считать его идеалом, героем, совершенным созданием природы. И горе тому, кто посмеет утверждать обратное.

Среди фанатов Цоя тоже есть такие люди, считающие своего кумира совершенным человеком. Во всяком случае, человеком очень хорошим. Иначе получится, что он геройствовал зря.

Поспешу их успокоить: я тоже считаю Виктора Цоя хорошим человеком чисто по-человечески. Добрым, мягким, скромным, отзывчивым. Но делать из него икону мне не хочется. Поэтому здесь собраны не только хвалебные отзывы и восторженные воспоминания.

Сохранилась ужасного качества запись песен группы «Палата № 6». К сожалению, слов песен практически нельзя разобрать, вокал Макса Пашкова задвинут куда-то назад, зато бас-гитара Цоя слышна довольно отчетливо.

Вот список песен:

1. Жизнь – ненужная случайность
2. В городе кто-то умрет
3. Я никому не нужен
4. Интермедия (крики, стук)
5. Волшебник
6. Смерть не заставляет ждать
7. Бой в ограниченном пространстве
8. Твои кровавые следы
9. Плачу от бессилья
10. Час расплаты

То есть все это довольно круто по названиям. Смерть, кровь и слезы. Бой, расплата, снова смерть. Впрочем, есть одна лирическая и мелодичная песня «Волшебник».

И, конечно, «Я никому не нужен» – лейтмотив ранних песен Цоя, хотя здесь это не его песня, а Пашкова.

Не правда ли, большинство этих тем, если судить только по названиям, получат развитие в творчестве зрелого Цоя? Поэтому «Палата № 6» – не просто баловство отроков, но школа отношения к жизни и музыке. Максим Пашков по праву может считаться первым наставником. Думаю, что Витя Цой находился в те годы под его влиянием.

Хотя и не показывал этого, вероятно.

Одна песня звучит на английском языке – дань уважения родоначальникам жанра.

В целом эта музыка и исполнение ничем не отличаются от того, чего я вдоволь наслушался немного позже, в начале восьмидесятых, на концертах в рок-клубе. Разве что там музыканты были немного умелее. Но что взять с четырнадцатилетних мальчишек, только

что взявших в руки инструменты? Конечно, свирепые запилы на электрогитаре, надрывный вокал и общий шум, создаваемый играющими невпопад барабанщиком и басистом.

Короче говоря, запись группы «Палата № 6» никак не заставляет предположить, что в ее составе играет будущая звезда рок-н-ролла. Да и то сказать – звезда играла на бас-гитаре, потому что на ней якобы «легче было играть». В то время как бас задает ритм всей группе.

Правда, у Цоя с ритмом с детства было все в порядке.

Тем не менее, несмотря на явное несовершенство песен (а у кого они тогда были совершенными?), группа все же играла, в основном на танцах, осторожно включая в «западный» репертуар собственные песни. Это происходило уже в Серовке.

Валентина Цой (из интервью автору, 2007):

«Восьмой класс закончили, и он в Серовское поступил. Поступил легко. А учился слабо уже, на троечки, я думаю, надо ему помочь. С русским языком ему помогала, занималась с ним как репетитор, потому что он мог просто не сдать без этого. Поступил он в Серовское на оформительский факультет (был еще педагогический, но я туда не хотела – они и не зарабатывают ничего! – да и Витя не хотел, и в Серовском их никто не уважал, а оформительский – это все же деньги). Но там чертить все время нужно было, шрифты всякие – короче, не для него работа. Так отец принес ему с работы кульман для черчения. Потом еще ему по математике помогал – Витя ж там должен был кончить десятилетку, так что все общеобразовательные предметы там были. То есть мы ему всем помогали, к тому же в очень доброжелательной атмосфере его растили».

Макс Пашков, закончив вместе с Цоем детскую художественную школу «Казанский собор», остался получать среднее образование в своей английской спецшколе, чтобы потом податься в Театральный.

Как видим, никто из них не считал музыку серьезным жизненным выбором.

А на танцевальные вечера в Серовку они приходили играть «для души», как они считали. Не думаю даже, что им за это платили, никаким официальным статусом группа не обладала.

Однако по прошествии семестра Витю из Серовки выгнали за неуспеваемость, несмотря на помощь. Заставить себя заниматься черчением шрифтов он так и не смог.

В другом интервью, данном гораздо раньше журналу «Студенческий меридиан», Валентина Васильевна говорит, что отчислили всех участников музыкальной группы, которую создал в Серовке Виктор. Думаю, это ошибка. До создания следующей группы Цоя оставалось еще года два. Витя еще не был знаком с Рыбиным.

Так что «Палата № 6» играла в Серовке недолго – уже зимой Цою пришлось вновь встать перед выбором: где получать аттестат о среднем образовании.

Поначалу мать направила его на какой-то завод и в вечернюю школу. Но монотонный труд на заводе тоже не пришелся ему по душе, и он попросил Валентину Васильевну, чтобы она разрешила ему оттуда уйти и выбрать что-то самому.

Валентина Васильевна не стала возражать и в разговоре со мной подчеркнула, что она этим решением очень гордится. Не стала его ломать, поняла, что это бесполезно.

Кроме желанного аттестата стоял и вопрос о заработках. Сын вырос, пора ему зарабатывать самому. СПТУ-61, куда поступил Виктор, готовило реставраторов – лепщиков, резчиков по дереву. Эта специальность всегда была востребована в Ленинграде и приносила неплохой заработок.

Вот свидетельство преподавательницы, обучавшей там Витю Цоя.

Людмила Козловская, преподаватель СПТУ-61, ныне – художественно-реставрационный лицей (из архива В. Митина):

«Он был молодым человеком, внешне – как все. Что касается его отношений с сокурсниками, то никаких инцидентов не помню: ни драк, ничего… Предводителем его было назвать нельзя. Как одевался? Такие высокие сапоги и свитер… черный.

Булавки, рваные штаны и т. п. – этого на нем не было. Тонкая шея, очень хрупкий – в общем, не спортсмен. Длинноватые черные волосы. Нацмен – у нас таких не было.

Не знаю, как он вел себя на переменах, а на уроках – слушал. Витю никогда не выгоняли из класса, в общем, он не был шпаной. Что такое шпана? Сидит, развалившись, что-нибудь скажешь, а ему все равно. А конспект Цоя можно было привести в качестве примера, он все-все записывал.

Злостным прогульщиком никогда не был. Тогда он был уже взрослым человеком, и отношение к учебе у него было серьезное. Я не классный руководитель, чтобы считать его прогулы и пропуски, но все мои задания выполнялись им очень четко, не было инцидентов, чтобы он одно не сделал, другое.

Он слушал и в то же время постоянно что-то рисовал. У него на последней странице конспекта были какие-то лица, абстракции, люди… И вот, смотрю я как-то – у него уже не в тетради, а на полуватмане, моя во-о-от такая голова…

Я гляжу на него и улыбаюсь. А он мне не в глаза смотрит, а на облик, и сам рисует, рисует. Ну, я и думаю: дам ему дорисовать, никто ведь из тридцати шести человек так хорошо и много не рисует. А Цой это умел от Бога.

Со второго полугодия второго курса у них начался диплом, сплошная практика и ученики почти не бывали в лицее. И все, Витю я почти не видела. Хотя после окончания училища приходил – ведь он в нашем ансамбле работал. Приводил каких-то своих ребят. Цой играл, но чтобы я видела в нем выдающегося музыканта?.. Ну, мальчишки и мальчишки. Тогда эти ансамбли были во многих школах и ПТУ.

Он был очень талантливым. И если бы проучился все четыре года – был бы хорошим специалистом в нашей области, но поскольку у него появился другой интерес…

Откуда я знала, что у него будет совершенно другая стезя?

Потом он исчез из лицея, и вдруг мы видим: Боже мой, Виктор Цой в ДК имени Горького?! Он со своим ансамблем выступал. Так мы все сбежались на концерт. Я пришла и сидела в администраторской ложе, слушала и удивлялась, что это Цой.

Такой молодой, а пел проникновенные и правильные вещи…»

Портрет этот, кстати, Цой подарил Людмиле Владимировне, а когда начался ажиотаж в связи с «Кино», рисунок, конечно же, превратился в ценность. Вообще, многие вещи, вышедшие из-под рук Цоя, теперь в цене. Попробуйте найти нэцке, которые в обилии вырезал и дарил он друзьям. Или рисунки Цоя. Такова судьба всех творений знаменитости.

Однако знаменитость тогда еще не была ею и получила не аттестат в этом ПТУ, а всего лишь справку об обучении. Чувствовалось, что музыка уже вцепилась в него обеими руками

и никуда не отпустит. Группа продолжала играть на вечерах, даже когда Цой уже поступил на работу по специальности – участвовать в реставрации Екатерининского дворца в Пушкине.

Анастасия Жмаева, соученица Цоя по СПТУ (из архива В. Митина):

«Виктор Цой учился на реставратора на ул. Стойкости, 30, в училище. Там же в другой группе учились мои подруги…

Однажды девчонки сказали: у нас вечер, приходи. Пришла. Цой играл общеизвестные вещи. Мне понравилось. Кажется, на новый 1978–1979 год опять пригласили – говорят, ансамбль сформировался. Пришла. Играл Виктор Цой. Меня интересовал юноша из группы моих знакомых девчонок, и мне хотелось хоть разик с ним потанцевать медленный танец.

Но Виктор белый танец так и не объявил. Подошла к сцене, и тут он говорит: ну что, потанцевали? Все: потанцевали! Он: а теперь я вам сыграю свои вещи. И стал петь и играть. Зал застыл. Никто не танцевал, все только слушали. Одну, вторую… Ну что, говорит, не аплодируете, не понравилось? Все заорали: „Понравилось!“, и зал взорвался аплодисментами.

Дальше он играл только свои вещи, в том числе на бис…

…По направлению он попал в Пушкин в Екатерининский дворец, объединение „Реставратор“.

Виктор Цой работал на анфиладе Екатерининского дворца, заканчивающейся Янтарной комнатой.

Вместе снимки рассматривали, кто-то принес, все там думали, разве можно по таким нерезким фотографиям что-то воссоздать из янтаря…

Воссоздать-то можно, если нашли эти снимки – значит, можно найти резкие, но работа с янтарем вредная…

Тогда на анфиладу согнали всех, со всех объектов и всех специальностей. Я думала, что он деревянщик, поскольку видела чаще со столярами. А он был лепщиком…»

Нет, не был Витя ни лепщиком, ни деревянщиком. В эти годы он уже был музыкантом. Все его усилия, мечты, замыслы лежали в этой области. Он продолжал играть в «Палате № 6» басистом, а в группе «Ракурс», состоящей из учащихся ПТУ, был гитаристом. Пел ли он там какие-то песни – история пока умалчивает.

Его одолевали уже другие замыслы, связанные с новыми друзьями – первыми питерскими панками, к которым его прибило в эти годы.

Но к воспоминаниям девушки нужно отнестись с большой осторожностью. Не было у Вити Цоя своих песен в начале 1979 года. Скорее всего, это были песни Макса, а может быть, Анастасия перепутала годы. Это бывает.

1978–1980
Андрей Панов и «Автоматические удовлетворители»

Здесь пора начинать разговор о панках и о том, почему Цой оказался в их рядах.

Ну, насчет рядов – это преувеличение. Никаких рядов панков никогда не существовало. Панков вообще невозможно построить в ряды, они всегда вне рядов. Только оказавшись в армии, панк понимает, что есть такие понятия, как ряд, шеренга, колонна и ежедневная уборка казармы.

Кстати, Цою уже пора было задумываться об этой проблеме. Приближался 1980-й – год его призыва в армию по возрасту.

Что касается панков, то тогда это слово было в моде. Совсем недавно в Англии появились первые панки – как в смысле музыкального направления, так и стиля жизни, а главное, стиля одежды, поскольку стиль одежды создать значительно легче, чем стиль жизни.

Однако компании, о которой мы будем говорить и в которую попал Цой, почти удалось создать свой стиль жизни.

Игорь «Пиночет» Покровский
(из архива В. Митина):

«С Цоем мы познакомились в 1977 году у Андрея Панова (играл с Цоем в группе „Автоматические удовлетворители“). Сам себя он окрестил почему-то Свином. Мы не возражали.

Как-то зашел я к Свину, а у него сидел какой-то парень. Обыкновенный. Восточной внешности. В ту пору мы представлялись кличками: Свин, Рыба, Пиночет. А Витька протянул руку и представился: „Цой“. Я решил, что это тоже прозвище.

Мы жили недалеко от метро „Парк Победы“ и тусовали дома у Свина. А потом мы сдружились как-то втроем: Витька, Леша Рыбин и я.

Покупали трехлитровую банку пива, копченую рыбу и зависали то у меня дома, то у него. А иногда вместо пива покупали трехлитровую банку томатного сока, соленую рыбу и булку – и получали не меньшее удовольствие. Часами слушали музыку – T. Rex, XTC или Tom Robertson Band и – мечтали-мечтали-мечтали. Обо всем на свете. Например, о том, как было бы здорово, если бы в нашей стране можно было выступать на стадионе. Кстати, тогда мы думали не о том, что стадионные концерты будут когда-нибудь и у нас, а жалели о том, что такого у нас никогда не будет».

Тут, конечно, следует читать не «Андрей Панов играл с Цоем в группе „АУ“», а наоборот: «Цой изредка играл в составе этой группы Андрея Панова».

То есть примерно с 1977 года у Вити Цоя в качестве духовного наставника появляется Свин – Андрей Панов, которому природа и обстоятельства, кажется, дали все, чтобы быть панком.

Он и стал официально первым питерским панком. Во всяком случае, этот титул уже никем не оспаривается.

Родители его были из мира балета. Отец танцевал в Мариинке и при удобном случае уехал за рубеж, но не стал «невозвращенцем», как тогда говорили, а как-то оформил это дело официально. Вероятно, с помощью нового брака. Однако присылал единственному сыну деньги, пластинки и невиданную по тем временам музыкальную аппаратуру.

Квартира была просторная, мальчики были предоставлены сами себе, да и жили рядом…

Впрочем, пусть расскажет сам Андрей.

Андрей Панов (из интервью автору, 1991):

«…У меня был сосед выше этажом. Сейчас уже переехал. С детства в одном доме жили. Однажды он сказал, что у него одноклассник или друг учится в Серовке. И у них группа хорошая, три человека – „Палата № 6“. Тоже как бы въехали в панк-рок и все такое… Все очень здорово типа дурака валяют. Я, говорит, к тебе их приведу.

А я как раз в это время свалил из театрального, ни черта не делал. Сидел дома, играл на гитаре, группу подыскивал. Сам до этого полгода как за гитару взялся. Аппаратуру купил, меломанство забросил.

А все началось с Монозуба. Он мне рассказал, что такое советский рок. Позже он стал Панкером, а в наших кругах это был Монозуб. Он мне позвонил и сказал, что у нас есть тоже советские группы, подпольный рок, поют на русском. Рассказал про них. А с Монозубом я познакомился, когда Юфа его привел устраиваться на работу. Я тогда был работником торговли по радио и телеаппаратуре, поскольку меломан. Монозуб тоже хотел попасть. Ну, как-то завелось знакомство, и один раз ночью по телефону он говорит, что есть такие группы, такие хорошие штуки пишут…

„Ты ведь стихи пишешь?“ – спрашивает. Я тогда тоже писал что-то. Думал, что это стихи. „А играть умеешь?“ – „Нет“, – говорю. „Ты, – говорит, – учись.“ – „Как же, – говорю, – такие крутые там…“ – „Ерунда! Это очень просто – группу сделать! Соберем ребят и начнем!“

А я как раз поступал в институт, и тут на мои плечи падают полторы тысячи деревянными – от папы. Мой папа свалил из страны законным путем в семьдесят третьем. И по их правилам, если ребенок учится, бухгалтерия оплачивает обучение. Финансирует его образование, значит.

Конечно, я сразу купил всякого – барабаны там, три-четыре гитары… Все на это ухнул, короче. Взялся сразу за гитару и настолько заразился, что поехал и поехал. Каждый день с утра до ночи. Сейчас фиг так сделаю. Но я отвлекся вроде…

Короче, они пришли – Максим Пашков, Цой и барабанщик. Не помню, как его звали. Хороший барабанщик, кстати. Оригинал. Жаль, что не пошел по этой стезе впоследствии. Ну, Максим – очень активный человек, больше всех разговаривал. Потом поступил в театральный. А Цой придет и сидит в углу.

Сколько-то времени мы прожили одной семьей, потому что все были бездельники. Цоя и других из Серовки выгнали именно по той причине, что они там стали ходить в булавках, а Серовка всегда была рассадником пацифизма. Анашой воняло на всех этажах. Не знаю, как сейчас. Ну, учителя и педагоги поняли, что это такое – кто-то подстригся, кто-то булавку нацепил. За то и выгнали. И песни не те пели. В Серовке две группы было – одна „Голубые монстры“, а другая – „Палата № 6“. Максим сам в Серовке не учился, а приходил туда играть.

Как-то так получилось, что мы с Цоем стали главные бездельники. И жили рядом, у парка Победы. Там, где сейчас его родители живут. Пока Максим не поступил в институт, мы встречались каждый день. Тем более что у меня дома стояла аппаратура. Я тогда еще занимался пластинками,

постоянно были деньги с этого. Выпивка была дешевая. Вите родители всегда давали рубль в день. Сначала мы спрашивали, когда скидывались, – у кого сколько, а потом перестали спрашивать. „Давай твой рубль!“ – говорим. Все знали, что у него рубль.

Собирались у меня, значит. Пили, гуляли, дурака валяли. У меня тогда стояло, наверное, полкиловатта. В основном играли они, а не я. Ну, соседи бегают… А что толку бегать? Барабанные установки разные. Тогда еще Юфа ко мне приходил, хотя он отношения к ним не имеет. Пели песни Максима, Цой в некоторых вещах был аранжировщиком. Про это Максим лучше может рассказать. Цой был басистом, ничего не писал тогда. Поскольку Максим относился к нему несколько иронически, что ли, Цой был всегда очень зажатый. Комплексанутый, даже так скажу. Когда же мы остались с ним два бездельника, я чуть ли не каждый день стал приезжать к нему по утрам. У него любимое занятие было – снимать с пленки. Или читать. С ушами все в порядке, снимает, как рентген. Jennifer Rush снял, что удивительно! Там маразматические аккорды, очень сложно… Сидит с гитарой, а ноги всегда выше головы. Балетная привычка. У меня родители балетные, я знаю.

Когда у меня еще забор был – он придет, сядет и ноги на забор. Вытянуты прямо, и лучше, чтобы выше головы.

Значит, приезжал я, и мы завтракали. Мне очень нравилась кухня его папы. Там один день готовила мама, а другой день готовил папа. И оставляли завтрак на столе. Мне всегда очень нравилось, когда вообще есть завтрак! Папа готовил с какими-то заморочками непонятными. Корейскими, наверное.

Вообще, семья у Цоя – это очень классно! Его семья до сих пор является для меня загадкой. Отец по-русски довольно плохо говорит, а у матери волосы золотые и вот такая коса! Настолько разные люди, непонятно вообще, как они вместе живут.

Каждую субботу и воскресенье отец собирался с друзьями в большой комнате, мать им все носила. Шикарно накрывался стол, море водки, политические беседы… А Цой жил в проходной комнате, вот они через нас и ходили. Одни мужчины собирались, вообще без женщин, солидол такой – пьют-гуляют, отдыхают. Цой немножко посмеивался над своим папой, хотя сам признавал, что первые аккорды на гитаре ему показал отец.

Был такой хороший случай. Родители уехали на юг, оставили Цою девяносто рублей из расчета треха в день. А у Цоя была мечта, как и у всех, – двенадцатиструнная гитара. Он побежал и тут же ее купил. 87 рублей она стоила. А на сдачу, поскольку голодный, у парка Победы купил беляшей по шестнадцать копеек. И, значит, натощак их навернул. Он очень долго потом это вспоминал. Говорит, лежал зеленый, один в квартире, блевал, умирал. До туалета было не дойти. Лежал несколько дней. С тех пор беляшей не ел.

А еще у него были бабушка и тетя. Я их видел разок. Бабушка и тетя работали в столовой. Обе они по матушкиной линии. Они жили в дальней комнате. Пили они только портвейн, водку не пили. Цой рассказывал, что они на Новый год купили 15 бутылок портвейна и выпили. Один раз я сам заглянул к ним в комнату, а там портвейном весь пол уставлен и сидят бабушка и тетя. Во люди!»

…О Свине и его панк-группе «Автоматические удовлетворители», или просто «АУ», я услышал много позже, году в 1983–84-м, когда стал посещать рок-клуб и читать журнал

«Рокси». И представлялся мне этот Свин этаким чудовищем, гопником и пьяницей, оболтусом и наркоманом.

Страшная, зловещая фигура.

На сцене он стоял, пошатываясь, банка пива в руке, мат-перемат в микрофон. Впрочем, мат-перемат можно было кричать в микрофон лишь к концу перестройки, году в 1988–89-м.

Но все равно, страшно.

На деле же Свин, когда мы с ним познакомились лично, оказался просто зайчик. Очень доброжелательный, очень вежливый и, не побоюсь этого слова, интеллигентный по-своему. Все же вырос в интеллигентной петербургской семье, какие-то навыки остались. Он был добр и имел чувство юмора, немного странное. Короче, это был рыжий клоун с любовью к экстравагантным шуткам и фокусам.

Помню его на фестивале журнала «Аврора» в сентябре 1989 года на открытой площадке Елагина острова. Он там тусовался каждый день, хотя выступать ему было не скоро – фестиваль продолжался девять дней. И как-то сам собою стал волонтером в оргкомитете – куда-то сбегать, что-то купить – все это он исполнял радостно и в охотку.

А когда нужно было перевезти и установить на сцене рояль (кажется, для группы «Маркшейдер Кунст»), то Свин тут же организовал грузчиков, рояль взгромоздили в закрытый фургон и повезли к сцене в полной темноте, лишь раздавался внутри голос Свина, рассказывающего анекдоты.

Светлая ему память. Он умер в больнице от перитонита, довольно нелепо, в августе 1998 года.

Характерным в этом воспоминании Свина, записанном на диктофон в моей кухне за бутылкой водки и роскошной яичницей, которую он сам же и приготовил, является упоминание о закомплексованности Цоя, его зажатости, якобы от того, что Максим Пашков относился к Цою «несколько иронично».

Очень многим, знавшим Цоя с юности, эта ироничность обернется потом недоуменным вопросом: «Почему он?»

Потому что умел терпеть, знал свой путь и имел чувство юмора.

Конечно, Витя был очень застенчив от природы. Даже сейчас, прослушивая, например, фонограмму, где он отвечает на записки из зала после концерта, чувствуется, как он стесняется и лишен какой-либо рисовки.

И все же, когда над тобой постоянно подтрунивают, пускай по-дружески (а мы знаем, что в юности даже друг может ранить словом), можно и вспылить ненароком, и постоять за себя… Витя лишь смущенно молчал, как бы признавая первенство Макса по всем пунктам.

Свин был не таков. Тонкая ирония ему была чужда.

И хотя Цой продолжал играть в «Палате № 6» еще немало времени, его духовным наставником примерно с 1977 по 1980 год следует считать Андрея Панова. Не случайно свои первые песни Цой пишет и исполняет именно в этой компании. И если Макс Пашков дал ему правильное понимание музыки, поскольку музыкально находился на более высоком уровне, то Свин подвиг к собственному творчеству, раскрепостил Цоя.

Витя всегда хотел петь свои песни, с тех пор, как взял первые аккорды на гитаре, которую подарил ему отец после возвращения в семью.

Отсутствовал он года три, но Валентина его простила и приняла, а уж Витя был очень рад.

Роберт Цой (из интервью автору, 2009):

«…Когда вернулся, я четко помню, особенно он рад был. И я тоже. Я и так общался с ним, до того, а когда вернулся, ему сказал: Витенька, я больше никогда не уйду. Мы поговорили и больше к этому никогда не возвращались.

Получилось как? У Валентины Васильевны отец умер, а с матерью было плохо. Они съехались в трехкомнатную на Бассейной, в этот дом со шпилем: Валентина Васильевна, сестра ее, мать и Витя. А у меня комната была, когда я пришел. И мы сохранили мою комнату в коммуналке для Витьки, на будущее. А я пришел на Бассейную. Там квартира была довольно большая, но две комнаты были проходными и только одна изолированная. В ней мать с сестрой жили. А Витя в проходной, на диване. У него больше всего радости было, когда мы уходили куда-нибудь или уезжали, тогда он хозяином оставался. А мы по молодости рыбалкой увлекались. Как только выходные дни, в пятницу в пять часов вечера мы уже уезжали с Валентиной, а сестры с матерью – их и не видно было. И Витька в квартире хозяином оставался. Как только мы уезжали, к нему друзья-приятели приходили. Мы ему, конечно, на эти три дня оставляли денежку какую-то, которую он тут же… Но порядок был.

Это уже было, когда ему 14–15 лет, ломка голоса, он уже тогда начал группы сколачивать. Сначала дворовые с друзьями, потом в Серовском, и тут уж он начал вокалом заниматься. Я помню, закроется в ванной и голосит там. Один раз он там заперся, а в это время мы пришли. Я слышу, из ванной какой-то вой идет, а это он там голос свой тренировал, ставил. Не зря, видно. Чувствовал, наверно, потребность».

Андрей Панов (из интервью автору, 1991):

«…Цой сидел у себя, аранжировал максимовские песни. Максима тяжело аранжировать, потому что он сам себя аранжирует. В аранжировке – это вообще бог! И в музыкальном плане, наверное, это самый лучший музыкант, которого я в жизни встречал. У меня же тогда только намечался первый состав, а сам я в семьдесят девятом первый раз взял гитару в руки. И через полгода уже гастролировал. Конечно, я у Цоя много спрашивал – типа аккорды, не аккорды… Как это сделать, как взять… У Максима с Витей группа была в техническом плане очень сильная. У нас сейчас таких нет. Ни в рок-клубе, нигде. Потому что люди занимались музыкой, а не то что там – в рок играли. Когда записывались у меня, мы играли вместе. Иногда на выступлениях вместе играли, как в Москве, у Троицкого, я потом расскажу.

У Цоя, кстати, были хорошие склонности к пародированию. Он неплохо пародировал советских исполнителей – жесты, манеры… Особенно он любил Боярского. И Брюса Ли, но это уже потом. А с Боярским было заметно очень. Он ходил в театры, знал весь его репертуар, все его песни. Ему очень нравилась его прическа, его черный бадлон, его стиль. Цой говорил: „Это мой цвет, это мой стиль“. И действительно, знал и исполнял репертуар Боярского очень неплохо. Впрочем, у такого человека нетрудно спеть все что угодно, так что ничего удивительного.

Очевидно, что человек, который жутко много читал и жутко много снимал, должен был и сам начать писать. Но у него комплекс был, я говорил. И вот однажды, когда мы толпой писались у меня, мы на него насели. С Антоном, с Ослом. Он сейчас уехал… Что тебе, мол, стоит стихи написать, музыку сочинить… Цой все кривлялся, а мы выпили и наседали, наседали… Мы тогда любили сухое вино в духовке разогревать. Покупали много сухого и разогревали в духовке. Зачем – не помню. Якобы градусы добавляются.

Причем половина бутылок лопалась, потому что за базаром забывали, что оно там в духовке греется…

Значит, насели на него и выдавили что-то. Он вышел в коридор и с натуги чего-то написал, помню даже, была там фраза о металлоконструкциях. Наша была накачка, панковская. Типа – все панки, все против… Мы посмотрели – действительно неплохо написал. В первый раз. А потом прорвало. Очевидно, если человек с малого возраста читает, аранжирует, – должно было прорваться. Достоевского всего прочитал, классику…»

А потом случилась та самая знаменитая «поездка в Москву к Троицкому».

Набирающий известность и слегка скандальный журналист Артемий Троицкий, давно уже зорко следящий за тем, что происходит в Ленинграде и пропагандирующий «Аквариум» и «Зоопарк», услышал от Майка о существовании ленинградского панка в лице Свина и получил от Майка его телефон.

Дальнейшее лучше всего описано у Леши Рыбина в его знаменитой книге «Кино с самого начала», и я не могу не привести оттуда большой отрывок, дабы не пересказывать этот прекрасный текст своими словами.

Алексей Рыбин (из повести «Кино с самого начала»):

«Музыкальная активность, которую развил Свин, естественно, не могла остаться незамеченной на сером фоне русской музыки начала восьмидесятых.

Перестройку общественного сознания начал в 1980 году известный московский музыкальный критик Артем Троицкий.

Разумеется, Артем вовсю пропагандировал в Москве „Аквариум“ и молодой „Зоопарк“. Но, поскольку, кроме рок-н-ролла, его очень интересовала новая музыка, и в частности панк, он, конечно, вышел на Свина. Я не помню подробностей их знакомства, по-моему, это было сделано через Майка, который уже довольно часто катался в Москву с концертами. Знакомство началось с телефонных переговоров. Майк дал Свину телефон Артема или Артему – Свина, в общем, они созвонились и долго о чем-то говорили, причем Свин все время громко смеялся. Переговоры закончились тем, что Свину и компании было сделано приглашение в Москву на предмет исполнения перед публикой своих произведений. Где состоится концерт, когда, какой будет выставлен аппарат и будет ли он вообще, мы не знали – об этом речи не было. Не было также и речи об оплате концерта – в этом плане Артем перед любым ОБХСС чист, как слеза.

На подготовку этих грандиозных гастролей ушло недели примерно две. Было выпито умопомрачительное количество сухого вина, написана целая куча новых песен и записана магнитофонная лента под названием „На Москву!!!“ – хотел бы я знать, где она сейчас – вещь была очень достойная.

Когда запись была закончена и выбраны дни для поездки – суббота и воскресенье, поскольку все работали, а прогуливать боялись или не хотели, стали думать и гадать, кто же поедет и кто на чем будет играть. Однозначно было „АУ“ – Свин, Кук и Постер, остальных вроде бы и не звали, но поехать хотелось многим, и Свин сказал, что все трудности с ночлегом и прочим он решит с Троицким сам, и кто хочет ехать, может смело составить ему компанию.

–Он звал „АУ“ – а может, у меня в „АУ“ сейчас десять человек играет – принимай, дорогой! – обосновал Свин свое решение.

Присоединиться к знаменитой рок-группе решили я, Дюша Михайлов, Олег – то есть вся группа „Пилигрим“, Цой, Пиня и, в последний момент, Монозуб (он же Панкер).

После исполнения ритуала приветствия мы стали делиться впечатлениями о поездке и первых часах в Москве. Выяснилось, что часть наших коллег доехала до Москвы, заплатив проводникам по десятке, но заплачено было не за всех, и ехавшим „зайцами“ пришлось всю ночь бегать из одного туалета в другой, скрываясь от разгневанного невыгодным бизнесом проводника. Последний участок дороги – три или четыре часа, когда проводник устал и уснул, Дюша, Кук и Постер провели в туалете сидячего вагона. Это место и для одного-то малокомфортабельно, а для троих и на четыре часа… Ребята имели довольно помятый вид, но были веселы и готовы к новым подвигам.

–Что поделывали? – осведомились мы у Свина.

–А вы?

–Ну как, культурная программа – в центре погуляли, на Красной площади были, выпили слегка…

–А мы были в Музее революции, – сказал Свин.

Да, вот так проводят свободное время битники – не по ГУМам и Рижским рынкам болтаются, а, пожалуйста вам, – Красная площадь, Музей революции… Что только КГБ не устраивало, не понимаю.

Дорога была неблизкой – троллейбус, метро, трамвай, и наконец Артем сообщил: „Приехали“.

Мы вошли в подъезд большого сталинского дома, и Артем позвонил в одну из квартир – уже без всякого кода. Дверь открыл очередной бородач, но не стал сверлить нас глазами, а спокойно пригласил проходить. Он оказался известным в Москве художником-концептуалистом, а когда мы увидели пару его работ – объявления, какие висят на столбах и заборах всех городов – на тетрадных листочках в клеточку и с отрывными телефонами – мы поняли, что он тоже битник, и признали за своего. Текст объявлений Рошаля (так звали хозяина) абсолютно соответствовал нашей гражданской позиции – „меняю себя на все, что угодно“ и „мне ничего не нужно“.

В квартире оказались пара электрогитар – бас и шестиструнная, один барабан „том“, бубен, бытовой усилитель и пара колонок. Все это было заблаговременно собрано московскими любителями панк-рока. Артем предложил нам собраться с силами, настроиться и репетнуть – до прихода публики, по его словам, оставалось еще около часа, а сам, взяв с собой Пиню, отправился в винный магазин.

До их возвращения, конечно, ни о какой репетиции не могло быть и речи, а когда Артем и Пиня вернулись, то зрители уже начали собираться. К нашему удовольствию, публика была именно та, которую мы бы хотели видеть на нашем выступлении. Пришли какие-то пожилые розовощекие мужчины в дорогих джинсах и кожаных пиджаках, с золотыми браслетами часов, женщины снимали меховые шубы и оказывались в бархатных или шелковых платьях, увешанные, опять же, золотом, а мы тихо радовались предстоящему веселью и думали, что бы такое учинить посмешнее.

Первым играл Цой. Он спел одну из двух написанных к тому моменту песен – „Вася любит диско, диско и сосиски“. Песня была слабенькая, серая, никакая. Удивительно то, что, написав „Васю“, Цой на этой же неделе сочинил замечательную вещь „Идиот“, которую ни на одном концерте никогда не исполнял, а песня была классная – жесткая, мелодичная, настоящий биг-бит. На ее основе Цой потом написал песню „Просто хочешь ты знать“, но все это было впереди, а пока Цой пел своего „Васю“ и явно при этом скучал. Публика приняла его тепло, но без восторга и стала ждать следующих номеров.

Следующим номером был я. Поскольку ножницы Панкера успели пройтись по моей голове, я выглядел более экстравагантно, и зрители насторожились. Я проорал им свой рокешник на стихи Панкера „Лауреат“, десять лет спустя его станут играть братья Сологубы и их „Игры“.

Во втором куплете один раз звучало слово „насрать“, и зрители несколько оживились – начиналось то, ради чего они надевали золотые серьги и бриллиантовые колье, то, чего они так хотели – начинался загадочный, таинственный, незнакомый панк-рок… Потом я спел слабенькую панк-песенку „Я пошел в гастроном“ и мой главный хит – „Звери“, который очень понравился Артему.

Таким образом, Цой и я немного разогрели публику, и на бой вышли „Удовлетворители“ – Свин, Кук и Постер. Постер бил в бубен, поскольку был уже настолько пьян, что даже с одним барабаном справиться не мог. Свин был освобожденным вокалистом, но в нескольких песнях брал гитару и издавал пару звуков, Кук играл на гитаре, Цоя они попросили помочь им на басу.

Вина Артем купил вволю – с расчетом на всю ночь, и поэтому та часть битников, которая не участвовала в музицировании, не скучала и развлекалась вовсю. Мы наблюдали за зрителями – те были в восторге. Никогда не угадаешь, что человеку нужно – такое это загадочное создание. Свин крыл матом с импровизированной сцены, снимал штаны, а дамы в жемчугах и их спутники млели от восторга и искренне благодарили Артема за прекрасный вечер, который тот им организовал.

Свин так разошелся, что мы не на шутку заволновались: „Вот-вот свинтят нас всех, того и гляди“, думали мы, а Дюша и Панкер просто встали и от греха подальше уехали в Ленинград.

Зрители медленно сползали со стульев на пол. Добил их Свин, спев двадцатиминутную композицию „По Невскому шлялись наркомы“ – я до сих пор считаю, что это лучшая русская песня в панк-роке, и никто меня не переубедит. Если вы помните ранний Doors, а если не помните, послушайте „Аквариум“ – „Мы пили чистую воду“ – это из той же оперы. Мощный, в среднем темпе, постоянно повторяющийся рифф, напряжение нарастает и нарастает, певец импровизирует – все вместе это создает очень сильное давление на слушателя.

Троицкий жал нам руки и говорил, что мы выступили просто замечательно. Довольные слушатели расходились по домам с сияющими от портвейна и высокого искусства лицами, и мы одевались – Артем собирался отвезти нас на очередную конспиративную квартиру, где нас ждал ужин и ночлег. Правда, часть музыкантов во время исполнения „наркомов“ попадала прямо на сцене и моментально заснула, так что заканчивал песню один

Свин. Оставив павших бойцов панк-рока ночевать у Рошаля, мы поехали с Троицким».

Эта бессмертная гастроль состоялась поздней осенью 1980 года и наделала много шума в Москве. Отзвуки докатились до Питера, так что в скором времени группа была приглашена на празднование дня рождения Андрея Тропилло в кафе «Трюм», где Цой опять исправно играл на басу.

Казалось, ничто не предвещало ему стремительной и успешной карьеры.

Нужна была своя группа.

Как мы видели, Цой уже играл с Рыбиным и поездка в Москву их сблизила. К этому времени они уже были знакомы с Майком, и он одобрил их первые опыты. У Цоя уже были написаны как минимум еще две-три песни, кроме тех, несохранившихся: «о металлоконструкциях», которую его заставил написать Свин, и упоминавшихся Рыбой «Вася любит диско» и «Идиот».

И у Леши Рыбина тоже имелся кое-какой свой репертуар.

Дело было за малым: писать новые песни и придумать название собственной группе.

1980–1981
Алексей Рыбин и «Гарин и гиперболоиды»

Группа под этим странным названием возникла летом 1981 года после или во время поездки в Крым, куда отправились Цой, Леша Рыбин (Рыба) и будущий вокалист и барабанщик Олег Валинский (Базис).

Дадим слово историографу.

> **Андрей Бурлака (из рок-энциклопедии, т. II):**
>
> «Появление на горизонте „новой волны“ послужило катализатором радикальных изменений на подпольной рок-сцене: в воздухе запахло свежими музыкальными идеями, а все молодые музыканты жадно ловили скудно проникавшую в страну информацию о новостях культурной жизни Запада. Примерно тогда же Цой начал сочинять собственные песни: поначалу, как правило, это были меткие и остроумные зарисовки с натуры, фиксировавшие те или иные эпизоды жизни подростков из спальных районов.
>
> Осенью 1980 года он в компании с „Автоматическими удовлетворителями“ побывал в Москве, где без особого успеха исполнял свою песню „Вася любит диско“ на серии квартирных концертов, организованных „Удовлетворителям“ и их друзьям Артемием Троицким, а 21 марта 1981 года дебютировал на сцене кафе „Трюм“ в качестве бас-гитариста той же группы. „Палата № 6“ к тому времени распалась (хотя „Ракурс“ продолжал звучать до 1982-го), и в сентябре на свет появилась группа „Гарин и гиперболоиды“ в составе: Виктор Цой и Алексей „Рыба“ Рыбин (р. 21.12.60 в Ленинграде), гитары и вокал, и Олег „Базис“ Валинский, барабаны, вокал. Последние двое до этого представляли собой две трети еще одной бит-группы „Пилигрим“ (оставшейся третью был будущий гитарист „КСК“ и „Объекта насмешек“ Андрей „Дюша“ Михайлов), а Рыбин, помимо того, всю весну 1981-го репетировал с группой „Абзац“».

Рыбин оставляет за кадром вопрос о выборе названия, хотя он по-своему интересен. Название довольно странное и необычное. Кто его придумал?

Четкого ответа на этот вопрос я в документах не нашел, поэтому возникла мысль найти Олега Валинского. В самом деле, я нигде не встречал его свидетельств или интервью с ним. Почему? Все же у истоков «Кино» стояло три человека, а не два.

Поспрашивав у приятелей Цоя, я узнал, что Олег Валинский ныне большой начальник на Октябрьской железной дороге. Поэтому через «Яндекс» я без труда разыскал телефон его приемной.

Далее начались трудности. Секретарша постоянно говорила, что у Олега Сергеевича Валинского совещание или он уехал на объект, и спрашивала, по какому я вопросу. Если бы я сказал, что меня волнует, кто придумал название группы «Гарин и гиперболоиды» и вообще все, связанное с этой группой, боюсь, меня бы поняли неправильно. Я отвечал, что я «по личному делу». «Позвоните позже», – говорила она. И я звонил позже с тем же успехом.

Наконец через неделю она сжалилась надо мной и соединила с помощником Валинского. И ему я рассказал правду.

«Понимаете, – проникновенно начал я, – ваш начальник когда-то играл в одной группе с Виктором Цоем. Лет тридцать назад. Вам знаком этот факт его биографии?» – «Да», – невозмутимо ответил он. Мне стало легче говорить, и я объяснил, чего я хочу.

Он все записал и обещал доложить Олегу Сергеевичу, а потом перезвонить мне и сообщить результат. Я повесил трубку и стал ждать.

Прошел день, потом другой, потом наступили выходные. И я понял, что Олегу Сергеевичу не очень хочется вспоминать свою боевую юность. Что ж, бывает…

Но в понедельник позвонил его помощник и объявил, что Валинский назначил мне встречу на пятницу в десять часов утра. Из-за пробок я опоздал минут на 5, и когда подходил к зданию Управления Октябрьской железной дороги (оно находится на Московском вокзале, за 7-й платформой), мне уже позвонил тот же помощник и поинтересовался, буду я или нет. Я сказал, что уже подхожу, мне выписали пропуск – и я оказался в приемной.

Секретарша доложила, и я был приглашен в просторный кабинет, где за столом руководителя с четырьмя разнокалиберными дисплеями сидел Олег Сергеевич Валинский – богатырского сложения мужчина (недаром прозвище его было «Базис») в расцвете сил и лет, с руками молотобойца и открытой приятной улыбкой на круглом лице.

Мы обменялись рукопожатием, я выложил перед ним диктофон, и наша беседа началась, точнее, мы с диктофоном стали слушать его воспоминания.

Олег Валинский (из беседы с автором, 2009):

«…Мы познакомились с Цоем задолго до того, как появились „Гарин и гиперболоиды“. Нас познакомил Свинья, Андрей Панов. Собственно, мы все познакомились одновременно – и с Цоем, и со всей Свинской компанией. Лешка Рыбин учился в моей школе на один класс старше меня. У нас школа была восьмилетка, я потом в другую ушел.

Так вот, мы еще в школе что-то такое начали: был у нас такой ансамбль, назывался „Пилигримы“, мы играли достаточно тяжелый рок, в основном не свой, хотя и свой тоже был.

Как-то во время репетиции появился Алексей, говорит, давайте, я тоже с вами поиграю. Типа сейшн получился. Поиграли, он говорит, я панков знаю, давайте, вас к ним свожу.

Свинья жил тогда на углу Космонавтов и Типанова, в девятиэтажном доме, и, по-моему, уже в первый вечер там был Цой. Обычный человек: пил кофе, курил, сидел даже не на корточках, а прямо на полу. У нас было такое молчаливое знакомство, просто какими-то фразами перебросились. По-настоящему знакомиться начали уже перед Москвой, когда Свинья понаписал своих не музык даже, а текстов, скорее, и мы стали думать, как это делать, как играть, начали записывать…

Потом Леха Рыбин повез это к Рыженко в Москву. Вот тогда у нас произошел уже более тесный контакт, потому что до этого мы играли свое и они играли свое.

Я был воспитан на классическом хард-роке, мне тяжело было внедряться в панковскую культуру, но поскольку Свинья достаточно всеядным человеком был, мы слушали все.

Это все крутилось вокруг прослушивания музыки и желания где-то поиграть. Я в то время играл в нескольких командах сразу, потому что и деньги были нужны, и для души играл, и Свинье помогал записывать, играл на танцульках, по школам, на выпускных вечерах…

Достаточно насыщенная была тогда жизнь, правда, она не давала мне возможности учиться в институте, за что я и был отчислен из ЛИИЖТа. Но все равно мне год еще удалось как-то потянуть, поиграть в разных командах, а потом меня забрали в армию… Но об этом потом.

Итак, мы съездили в Москву. О Москве, наверное, нет смысла рассказывать, Леха Рыбин достаточно подробно все это описал. Мне помнятся в основном записи: все эти Свинские тексты с интересными такими риффами, там ведь даже некое шоу было сделано, оно было непрофессиональное, конечно, но элементы творчества, отличного от музыки, там уже были. Поступление Свиньи в ЛГИТМиК тоже свое дало, он ведь там какое-то время проучился и чему-то научился до отчисления, поэтому сценически это было достаточно интересно и необычно, даже мне нравилось.

Цой меня тогда очень зажимал, потому что я тяготел к року, а у него уже вырисовывалась своя ритмическая структура, довольно своеобразная, а с точки зрения барабанов достаточно примитивная. И у нас уже возникали с ним такие трения: „Ну дай мне поиграть!“ – „А зачем?“ Типа, вот тебе моя музыка, играй ее.

После того, как мы записались, мы стали очень часто общаться. Даже не вокруг музыки, а вообще. Например, модная тогда игра была „Монополия“, – и мы играли в „Монополию“. Приезжал к нам достаточно часто Майк, обычно с портвейном. Вообще, общались все больше под портвейн. Общались вдвоем и втроем, – как у кого было со временем. Учитывая, что жили все практически рядом: Цой на Бассейной, мы на Космонавтов с Лешей – вообще рядом, я работал уже на железной дороге таким образом, что у меня оставалось довольно много свободного времени, то мы общались достаточно часто. В то время мы ездили к Саше Жарову, он был светооператором у Ордановского (лидер группы „Россияне“. – Примеч. авт.). Он жил с женой и маленьким ребенком на углу Славы и Софийской, но туда все приезжали, те же „Россияне“ там тусовались. Потому что с квартирами народа было мало, то коммуналки, то комнаты, а тут двухкомнатная квартира, хоть и съемная, и учитывая, что я работал на Сортировке, то мне после работы тоже очень удобно было заехать. Туда же приезжали и Цой с Рыбой, и там пели, просто разговаривали, пили портвейн – но немного, и вообще, это не было самоцелью.

Больше обсуждалось: кто-то приносил новую пластинку, кто-то что-то записал – слушали, рассказывали. Для восемнадцати лет там было очень интересно общаться, тем более что „Россияне“ были уже постарше, поопытнее. И Майк, конечно. Но Майк туда поздновато вошел, потому что с Майком нас познакомил Панкер. Он Майка привел: вот, есть такой парень, играет на гитаре, выпустил магнитоальбом „Моя сладкая N“. Причем, по-моему, это было даже у меня дома. Привет-привет, ну давай послушаем, что ты записал. Хотя видно было уже по разговору, что он не новичок в этом деле, но общаться с ним тогда было достаточно просто. В основном же мы крутились вокруг „Россиян“.

Жора Ордановский тоже приходил, но достаточно редко. В основном это были Олег Азаров, Женя Мочулов приходил постоянно, и другие.

Мочулов мне нравился, он вообще был достаточно сильный барабанщик. Мы с Лешкой Рыбиным ездили в клуб на Энергетиков, 50, там был какой-то сейшен, где я впервые услышал барабанную импровизацию, а поскольку я тогда все втягивал, то мне было очень интересно.

Чаще всего мы бывали у меня или у Лешки, а у Цоя я был, наверное, всего один или два раза. У него дома постоянно кто-то присутствовал, и он

чувствовал себя там неуютно с друзьями, тогда как у нас квартиры были практически пустыми, родители приходили только вечером…

Основное произошло летом 1981 года. А в армию я ушел в октябре.

Цой начал гулять с какой-то девушкой, которую никому не показывал. Вот на этом этапе я ушел. Цой же ведь был очень скрытным, и это было очень заметно. Он всегда был чуть-чуть в себе, он отрывался только, когда мы писались. Тогда мы могли ругаться, кричать, обсуждать – вот тогда мы разговаривали. Но разговаривали в основном тоже о музыке, о пении.

Мне очень нравилось, как он рисовал. Я у него даже покупал эти плакаты. У меня его постер Kiss очень долго висел.

Была такая зеленая тетрадка, и в этой тетради Цой записывал свои тексты, тут же их поправлял, рифмовал, тут же на полях рисовал разные фигурки – рука у него двигалась постоянно. Смешные такие картинки: какой-то мужик бьет дубиной другого, ну и всякое такое. Классная была тетрадь. Я потом хотел ее в фан-клуб отдать, но ей уже кто-то приделал ноги.

Ну, а летом мы как-то у СКК собрались, было жарко, играли какие-то рок-группы первые, как сейчас помню. „Форвард“ там играл, мне понравилось.

Мы вышли после концерта, жарко – и стало понятно, что надо куда-то ехать отдохнуть, оттянуться. Лешка когда-то с мамой отдыхал в Морском, он и говорит: а поехали в Морское! Это в Крыму. А поехали!

Поехали почему-то в разных поездах, с билетами была напряженка, я тогда практически никем на железной дороге работал. Мы с Лешкой ехали, а Цой поехал один.

Встретились в Симферополе на вокзале. Какое там Морское! Есть одно место, там классно, Солнышко называется, там можно искупаться…

Приехали в это Солнышко, там одна выжженная степь кругом, стоит что-то типа кемпинга палаточного, но явно для жилья непригодного. Ну, искупались, решили все-таки ехать в Морское.

Приехали в Судак, пошли в столовую. А с собой у нас было две гитары, – у Леши и Цоя, и у меня какие-то маракасы, какой-то шейкер, тамбурин, всякая приблуда перкуссионная.

Заходит компания ребят, человек пятнадцать, таких, солидных – девчонки с ними, две банки вина трехлитровые, начинают заказывать. В общем, садятся плотно. Они оказались студентами запорожского кулинарного техникума.

Они сидели в Морском на практике с мая, то есть уже какая-то ассимиляция произошла. Попросили у нас гитару, поиграли какие-то песни. Мы поели, подходим: дайте гитару. Они: а вы куда едете? – В Морское. – А мы тоже оттуда, подождите, автобус тормознем, вместе поедем.

Ну, тормознули автобус, поехали в Морское – это от Судака километров двадцать пять, наверное, они нам показали место, где поставить палатку. И вечером заявились к нам туда с девчонками и с мясом. Мы мясу удивились тогда, – негде было взять мясо! Только потом узнали, что все ребята из столовой.

Пожарили шашлыки, попели песни. Ну и возникла с самого начала эта тема: а вы вместе играете? у вас группа?

Мы отнекивались, мол, вместе не играем, просто приехали отдохнуть…

Они приводили к нам все новых людей, наша поляна обрастала народом. И мы им играли. Причем не только мы, иногда из отдыхающих кто-то просил гитару. То есть концертами это нельзя было назвать, была расслабляющая обстановка пикника, но эта тема – вы вместе играете? – звучала всегда.

Вообще мы там так наигрались, что дней через семь-восемь местные жители нас уже выдворяли из этого Морского, но мы, впрочем, и сами уже собирались.

Идея пришла к нам в поезде, когда мы ехали обратно из Симферополя. Типа, а не поиграть ли нам вместе? Учитывая, что у Цоя к тому времени было песни три, включая: „Мои друзья“, двух „Бездельников“ и эту – „Я иду, куда глаза мои глядят…“, ну и еще что-то. А еще мы пели Майка, пели Гребенщикова, пели Beatles…

Я потом, лет двадцать спустя, даже ездил на то место в Морское, где мы тогда стояли, и напрасно поехал, ничего, кроме помойки, я не нашел…

Все мое детство прошло в хоре. Я пел во Дворце пионеров, и пел там достаточно долго. И барабанные азы у меня начались тоже во Дворце пионеров. Когда у меня начались голосовые мутации, меня хотели отдать на валторну. Там был тогда очень строгий преподаватель, немец, Генрих Рудольфович, фамилию уже не помню – было это без малого 40 лет назад. Когда я после первой репетиции поехал с этой валторной в автобусе, то мне элементарно помяли раструб в давке. И я сказал, что не буду играть на валторне. И очень, как мне кажется, своевременно оказался в барабанщиках.

Я даже читал где-то, что был неплохим барабанщиком. Я достаточно критично относился к своему уровню, потому что на том этапе просто учился тому, что слышу, – вот и все.

Вернулись в Питер, а тут уже начали записывать в рок-клуб. Мы подали восемнадцатыми, кстати. Узнали, что надо напечатать тексты, литовать их, весь этот геморрой с прохождением худсовета, прослушиванием – потом только принимается решение.

Это еще был рок-клуб Гены Зайцева, а Иванова Наталья тогда была президентом. Мы стали готовиться. До этого ездили к Гене, с ним разговаривали, попели у него дома, он сказал: это классно, я – „за“ обеими руками.

А Иванова начала гнать какую-то фигню: „Вот кто-то запер туалет давным-давно…“ – Ну какой туалет?! Нет, это не пройдет, не надо ничего!

Но мужики встали на нашу защиту, короче, мы прошли. Прошли как группа „Гарин и гиперболоиды“.

А родилось название от Гребенщикова. Цой уже был с ним знаком. Была какая-то вечеринка, и Цой успел ему спеть. Гребенщикову очень понравилось, и он стал к нему хорошо относиться.

Когда все началось (это я говорю со слов Цоя), он обратился к Гребенщикову: мол, хотим играть, как нам назваться? Боб сказал: „Ну, назовитесь «Гарин и гиперболоиды»“. И все. Мы больше об этом даже не думали.

Нет, конечно, мы Толстого читали к тому времени и фильм смотрели, но нам в голову не приходило, что Цой – Гарин, а мы его гиперболоиды. Но какие-то элементы сюрреализма в этом названии присутствовали, и нам

это понравилось. Вот, собственно, и все. Дальше началась попытка записать нашу программу. Где только это не писалось: и у Рыбы, и у Свиньи, и в Купчино на какой-то квартире, и участвовали там разные люди – весело это все писалось. Это было такое творчество идиотов, – ну, нормально!

Мы все были тогда на равных. Рыба – человек разносторонний, а Цой – упертый: надо играть, и все! Лешку бросало: то он слушал хард-рок, то вдруг услышал Genezis – и сразу хард-рок стал говно, а надо играть арт-рок, потом он услышал Clash и сказал, да нет, арт-рок – это тоже пройденный этап, вот Clash – это классно! Потом он заторчал на Махавишну.

А Цой более упертый, ему T. Rex как нравился, так и продолжал нравиться. Мы все трое были достаточно разными, и идеи у каждого были совершенно свои, но нам было комфортно втроем. Нам и четвертого было не надо, хотя предложения были.

…А потом было прощание. Сначала меня отправили в учебку в Павловск, там была радиоразведка. Но поскольку у меня на личном деле было написано „барабанщик“, то я полгода проиграл в этой учебке.

То есть сначала все думали, что я буду тут неподалеку и меня можно будет вывозить на концерты, но ничего из этого не получилось, потому что учебка была режимной. Один раз меня родители украли и вывезли на машине, тогда мы пообщались и поиграли с Рыбой и Цоем… Ну, понятно, когда мы расставались, они говорили, что мы будем тебя ждать, нет вопросов…

Но потом полтора года я служил на Кубе.

Еще встреча была, когда меня уже должны были перевозить на Кубу, с Варшавского вокзала нас везли. Я позвонил, мы пересеклись, поговорили – ну и все, я уехал в Калининград и оттуда на корабле мы уплыли на Кубу. После этого были только письма. Собственно, другого варианта тогда и не было. Где-то через полгода мне пришло письмо от Рыбы, – „мы стали называться группой «Кино»“.

А на Кубе в те времена было очень хорошо, потому что все командование было наше. Рауль Кастро был министром обороны, и когда наши захотели создать какую-то русскоязычную группу, которая бы играла что-нибудь типа „Машины“, да и вплоть до „Созрели вишни в саду у дяди Вани“, потому что в оригинале это на Кубе услышать было невозможно, то кубинское правительство невероятно расщедрилось, закупило какой-то шикарнейший аппарат, какого я никогда не видел, инструменты…

То есть все, что было связано с музыкой, не касалось службы, было просто отлично. Я „кухни“ такой только в каталогах раньше мог увидеть, а тут на тебе, играй.

Ну и музыканты там тоже собрались совсем другого уровня, все они были с высшим образованием, и поскольку в консерватории нет военной кафедры, то они зачастую как раз и попадали служить туда.

Наше времяпрепровождение в Гаване заключалось в том, что нас снимали с нарядов, собирали в так называемой „музыкальной квартире“, где стояла аппаратура, и говорили: сегодня, допустим, 30 сентября, вот вы к 7 ноября должны сделать полутора-двухчасовую программу, будет прием в посольстве. Вот вам песенники, вот вам кассеты и прочая херня, выбирайте.

Мы это обычно делали дня за три. Все остальное время просто играли. Мы играли все вообще, нам больше нечего было делать. Так что армия,

с одной стороны, вроде закаляет, а с другой, делает человека социально беспомощным.

Придя домой, я пытался вспомнить, что такое ходить в магазин, стирать, покупать одежду. Потому что в армии ты становишься иждивенцем у страны. И поэтому по двенадцать-тринадцать часов мы могли играть совершенно спокойно, мы даже в местные кабаки пытались выбраться играть, но нас там прихватили за одно место.

…А придя из армии, я узнал, что Цой и Рыба уже не играют вместе. Я пришел в ноябре 83-го. Они еще общались – достаточно натянуто, но общались, еще разговаривали.

Мы с Лешкой так и продолжали жить по соседству и встретились первыми. С Цоем мы встретились позже, и, как мне показалось, у него уже появились какие-то элементы звездной болезни, его это коснулось. Было в нем некоторое снисхождение: вот ты, парень, потерял все, а я уже, извини, не тот.

При том, что мы нормально общались, но я такие элементики, как мне кажется, чувствую, – и они звучали.

Уезжая с Кубы, я для себя решил, что играть завязываю. И потому, что достаточно активно играл до этого, и потому, что узнал новый уровень игры, столкнувшись с профессиональными музыкантами.

Поэтому по возвращении и я не проявил должной активности, чтобы вернуться в группу, и Цой особенно не зазывал, то есть он сказал, что наш договор остался в силе, но вот такого: „Олег, да мы без тебя пропадаем!..“ – такого не было.

Я, правда, все равно заиграл, но с совершенно другими ребятами, это были джаз-роковые дела, никакого отношения к рок-клубу не имело, ближе, скорее, к джаз-клубу „Квадрат“. Вот, собственно, и все.

Образование я заканчивал очень долго, в ЛИИЖТе, на заочном. Сначала закончил техникум, работал на Сортировке, в техникуме уже женился на четвертом курсе, потом стал начальником станции, неудобно стало, закончил институт, вот – работаю…

Один раз мы встретились с Цоем, когда он уже был знаменит, но на бегу, потому что я в своей профессиональной жизни тоже уже стал достаточной „звездой“, но наши „звездности“ плохо пересекались. Ну, так: привет-привет, как дела, хотя я-то про него знал все, а он про меня – ничего. Но я был вполне самодостаточным.

За его творчеством я следил, но не пристально. Все равно доходило. Я не могу себя назвать фанатом группы „Кино“, на мой взгляд, первые опыты были лучше. Цой абсолютно изменил стиль и с какого-то момента, я это очень хорошо слышу, поперла конъюнктура. При том, что он пытался оставить тот же имидж. Конъюнктура и в текстах слышна. То есть Цой ранний был сложнее Цоя позднего. Над ранним нужно было подумать, а поздний был уже на универсально-бытовом уровне.

Но такой его феноменальной популярности я не ожидал. Когда он умер, я понимал, что сейчас произойдет всплеск, но то, что это останется так надолго – нет. Мне это даже напоминает Queen с Меркьюри, по остаточному звучанию это чем-то похожие явления.

У меня сейчас дома есть барабаны, и иногда я доставляю неприятности соседям, есть гитара, вообще все возможности есть, нет только времени.

Один раз я сыграл с Рыбой на концерте в бывшем „Спартаке“ на десятилетие смерти Цоя, то есть Рыба тогда меня в группу звал, он играл с Наилем Кадыровым, с Каспаряном, но ежедневные репетиции были уже не для меня, и я отказался. А на концерт пришел как зритель.

И вот в середине концерта Рыба вызывает меня из зала, представляет первым барабанщиком группы „Кино“ и предлагает вместе спеть „Алюминиевые огурцы“. Я, конечно, офигел от такого предложения, но как-то спели. Публике даже понравилось. Потом спускаюсь со сцены, ко мне лезет куча девчонок: Олег, дайте автограф! И я сижу, раздаю автографы и думаю: как здорово вообще!..

…Я иногда гружу свое музыкальное хозяйство на яхту, выхожу подальше в море, чтобы никому не мешать, выставляю колонки и там в свое удовольствие отрываюсь.

У нас есть такая, скорее, коммерческая группа, она называется „Чудо-остров“. Там собрались хорошие музыканты. Мы с ними лет пять-шесть назад познакомились, тоже совершенно случайно, и, когда есть время, я себе позволяю с ними где-то сыграть. Но это так, в охотку. Тем более что мы сделали их „придворной“ группой Октябрьской железной дороги, так что у нас на корпоративках они почти всегда играют, и я тоже могу присоединиться. С этими ребятами играю совсем другую музыку. Я с ними узнал Джино Ваннелли, тех же Джорджа Бенсона, Джорджа Дюка – того, чего я бы, наверное, не узнал самостоятельно.

Я сейчас первый заместитель начальника Октябрьской железной дороги. В нашей иерархии начальник ОЖД – это такая фигура, которая исполняет в основном политические функции: работает с президентом, с губернаторами. А вся хозяйственная деятельность Октябрьской дороги, все, что по ней едет, все, что по ней не едет, все, за что нас ругают – это мои промахи. Хозяйство от Мурманска до Москвы, тринадцать тысяч километров…»

Последние слова Олег Сергеевич произнес не без гордости. А я представил себе этого большого в прямом и переносном смысле человека в Финском заливе на маленькой яхте за ударной установкой, колотящего в азарте палочками по барабанам своей «кухни».

Очень клевая картина! Рокерское не забывается.

Когда я вышел в приемную, там толпилось довольно много народу, ожидая очередного совещания. Я понял, что Олег Сергеевич уделил мне гораздо больше времени, чем сам ожидал.

Приятно, что из рокеров иногда выходят нормальные люди, преуспевающие в других областях деятельности. Совсем скоро мы еще увидим такого.

А сейчас вернемся к «Гарину и гиперболоидам».

Я видел и слышал множество рок-групп. В большинстве самых известных был один ярко выраженный лидер, как правило, автор песен и главный вокалист. Поэтому мы знаем T. Rex как группу Марка Болана, Doors как группу Джима Моррисона, «Машину времени» как группу Макаревича, «ДДТ» как группу Шевчука и «Аквариум» как группу БГ.

Есть группы без ярко выраженного лидера, где все музыканты известны достаточно хорошо и являются равными партнерами. Не буду называть никого, чтобы ненароком не обидеть.

Но если лидеров двое и у каждого есть свои песни в собственном исполнении, тогда группа нестабильна. Так было с нашей «Алисой», где Костя Кинчев вытеснил Славу Задерия

(ничего плохого в этом вытеснении я не вижу, Слава просто понял, что ему в «Алисе» больше делать нечего).

Цой и Рыбин встретились как равные партнеры, считая в душе, что каждый из них не слабее другого. Но время – и не такое уж большое – показало, кто истинный лидер группы, имеющий в том числе и право выбора партнеров.

Им оказался Цой.

Забегая вперед, скажу, что об их разрыве написано много и по-разному. Но объяснение здесь простое – «Боливар не выдержит двоих».

Несмотря на скромность, незаметность, молчаливость, Виктор Цой обладал честолюбием в самом прекрасном смысле этого слова.

Он был честен, то есть обладал и честностью и честью – это слова одного корня, они родственные. И он хотел, чтобы ему тоже была оказана честь, какую он оказывает другим своею честностью.

Вы никогда не задумывались, почему военные «отдают друг другу честь»? Проще говоря, берут под козырек? Этим они оказывают честь своему коллеге. Правда, об этом давно забыли и ладонь к козырьку прикладывают автоматически.

С этим словом – честь – связано и другое слово – достоинство. Недаром они всегда ходят в паре. Честь и достоинство.

Виктор Цой обладал этими качествами в полной мере и умел не показывать этого другим. По крайней мере в те годы, когда еще не стал суперзвездой.

Мы не можем обойти еще одно свидетельство Витиного друга, человека, входившего в питерскую рок-тусовку начала восьмидесятых, – Павла Крусанова, ставшего впоследствии известным писателем.

Павел Крусанов (из книги «Беспокойники города Питера»):

«В те времена, в полном соответствии с природным любопытством молодости (подчас не слишком чистоплотным, но что поделать – невинность приходит с опытом), мы бесстрашно готовы были впитывать и познавать все новое, неведомое, запретное. Более того – только это, запретное и неведомое, и казалось нам в жизни по-настоящему лакомым. Порой доходило до смешного.

Практически каждая наша товарищеская встреча сопровождалась радостным распитием портвейнов, сухих вин, горьких настоек и в редком случае водок, что по существу было сродни разведке боем на незнакомой территории – мы тщились узнать, какие ландшафты скрыты там, за гранью трезвого сознания, и что за звери их населяют? О неизбежных потерях никто не задумывался. Как-то сидя в гостях (забыл у кого) и ожидая гонцов, посланных в гастроном за вином (принесенного с собой, как водится, не хватило), мы нашли с Цоем в ванной флакон хозяйского одеколона „Бэмби“. Все было нам интересно, все ново…

Ни он, ни я прежде не пили одеколон. Мы тут же решили – пора.

Ополоснув подвернувшийся пластмассовый стаканчик, в котором хозяин квартиры обычно, надо полагать, взбивал пену для бритья, мы разбавили в нем водой на глазах белеющий „Бэмби“ и, преодолев отвращение, выпили, поделив содержимое стаканчика на двоих. Не в том дело, что мы ощутили. В то время нас не мог бы подкосить даже чистый яд, который и теперь достать непросто, а тогда, в пору тотального дефицита… Впрочем, обойдемся без отступлений. Зачем-то оказавшись в ванной через полчаса после распития „Бэмби“, Цой, выглянув оттуда, поманил меня рукой – пластмассовый стаканчик, из которого недавно мы лакали одеколон,

одаривший нас на сутки скверной отрыжкой, скукожился, осел и как бы полурастаял – о ужас! – что же творилось в наших желудках?! В тот раз мы, как водится, смеялись. Но впредь одеколон нас уже никогда не прельщал. Никогда.

Востоку традиционно принято записывать в актив коварство, велеречивость и хитрословие. Цой – наполовину кореец – невольно нарушал стереотип. В повседневной жизни он был неразговорчив – не молчун, но изъяснялся всегда кратко, а иногда и веско, однако же по большей части без задней мысли и рассчитанных многоходовок. Даже шутил так: по-спартански, лапидарно, словно вырубал на камне слова и старался, чтобы их оказалось поменьше. Вершиной остроумия для такого человека по всему должна была бы стать шутка без слов: шутка – жест, шутка – акция. Свидетельствую – случались у Цоя и такие. В училище, овладевая профессией краснодеревщика, он получил навыки резьбы по дереву и время от времени одаривал приятелей своими поделками – кому-то досталась пепельница в форме сложенной в горсть ладони, так что тушение окурка в ней выглядело дурно, точно пытка, кому-то – нунчаки с вырезанным на концах палок Ильичем, кому-то – деревянный фаллос, который следовало, вместо ручки, подвешивать в туалете к цепочке сливного бачка (помните, были такие сливные бачки с цепочками?). Одно время он носил дубль этого резного, довольно натурально сработанного красавца в кармане и при встрече со знакомыми и малознакомыми девушками быстро им его протягивал, дескать, это вам. Девушки машинально брали штуковину в руку, но через миг, сообразив, вскрикивали – ай! – и, залившись краской, испуганно, точно в руке у них оказалось парное конское яблоко, бросали деревянную игрушку под ноги. На публике они всегда такие пуританки… Впрочем, сказать, что таков был характерный стиль цоевской шутки все же нельзя. Такова была одна из граней его стиля.

Что удивительно, при своем характерном немногословии Цой отнюдь не выглядел угрюмым – лицо его было живым, улыбчивым и на нем мигом отражалось отношение ко всему, что происходило вокруг: к речи собеседника, налетевшему ветру, льстиво трущемуся о ноги коту, выпавшему за ночь снегу и, разумеется, музыке, намотанной на катушку или нарезанной на антрацитовом виниле. По существу уже пропечатанные в мимике, слова здесь порой и впрямь оказывались лишними.

Где-то с августа 1981-го Цой, одолжив у меня бонги, цилиндры которых были покрыты ярким малахитовым пластиком, вместе с Рыбой и Валинским усердно репетировал акустическую программу. Чтобы играть электричество, нужен был аппарат и репетиционная база, – а где их взять? Но, в принципе, не в этом дело – тогда мы были просто очарованы аквариумовской акустикой – ее камерный звук, волшебный, родниковый, весь звонко переливающийся, пленял нас даже больше, чем их скандальный „Концерт в Гори“, от которого все кругом пускали струйки крутого кипятка. Хотя, сомнений нет – и электрический „Аквариум“, конечно же, был крут.

„Кино“ в ту пору еще не родилось – группа называлась „Гарин и гиперболоиды“. Носитель редкого мелодического дара, Цой, разумеется, царил здесь безраздельно. Впрочем, нет, все же не безраздельно, поскольку повторить то ясное, прозрачное, кристальное звучание, которого они вместе добились в этом составе, впоследствии ему уже никогда не удавалось. Секрет

заключался в эксклюзивной формуле вокала. Цой вел основную партию, а Рыба с Валинским заворачивали этот добротный продукт в такую, что ли, неподражаемо звучащую обертку. У Валинского был чистый, сильный, красивый голос, кроме того, он довольно долго и вполне профессионально пел в хоре – таким голосовым раскладкам, какие он расписывал для „Гарина… “, позавидовали бы даже Саймон и Гарфункел. Цоевский „Бездельник“ („Гуляю, я один гуляю… “), под две гитары и перкуссию, грамотно разложенный на три голоса, был бесподобен – возможно, это вообще была его, Цоя, непревзойденная вершина. Я не шучу – тот, кто слышал „Гарина…“ тогда вживую, скажет вам то же самое (тропилловская запись альбома „45“, составленного из песен той поры, делалась, увы, уже без Валинского, пусть и с участием практически всего „Аквариума“).

Мне повезло – я слышал. Неоднократно слышал. В комнатушке Майка, куда Цой носил, как носят дорогую вещь надежному оценщику, все свои новые песни, на Космонавтов у Рыбы, в комнате Цоя у парка Победы под башней, у себя дома… И оба „Бездельника“ вкупе с „Битником“ и „Алюминиевыми огурцами“ до сих пор звучат у меня в ушах именно в том, гариновском исполнении. Звенящие, текущие жидким оловом змейки молодых голосов по-прежнему вибрируют во мне и заставляют дрожать диафрагму, а слова, простые, но нераспознанные за ненадобностью в своих мерцающих смыслах, мягко укладываются на свои места, и мне плевать, глубоко плевать на сдвинутые стихотворные метры и пропущенные рифмы: вот так, блин, – „ситар играл“, – и все…»

Ему вторит другой писатель и поэт, уже московский, который сумел оценить Виктора Цоя в самый начальный момент его творческого пути.

Алексей Дидуров (из воспоминаний):

«Что мне прежде всего бросилось в глаза в тот далекий новогодний вечер? То, что ему нечего было выдавливать из себя по капле. В нем, в нашем госте, не было раба! Перед нами предстал свободный юный человек из страны Ленинград. И угадывалось, что таких там хватает. Особенно это звучало, чувствовалось в его речи, спокойной, ясной и простой, в голосе его, глуховатом, горловом, низко посаженном, в стиле разговора. Он говорил короткими, точными фразами, со вспышками подхохатывания, со школьно-пэтэушным незлым смешком. Так может говорить только тот, у кого есть надежный круг „своих“.

Впрочем, если он среди нас, москвичей, к которым примчался в столицу накануне нового, 1982 года, был в своей тарелке, не поменял домашнюю, питерскую, свою манеру общаться, значит, „свои“ у него нашлись не только в Ленинграде. Потом, во время концерта, оказалось: мы, здешние, по его песням поняли, что он – наш, песни его – наши, про нас, тех, кто собрался в классической московской коммуналке послушать дуэт питерцев. Мы были все помянуты поименно во вступлении:

–Новогодний концерт в Москве группы под, может быть, временным названием „Гарин и гиперболоиды“, в составе которой Алексей Рыбин – гитара, я – Виктор Цой – вторая гитара. Помогают нам наши друзья из московской группы „Последний шанс“, которые играют на бонгах, маракасах, – Сергей Рыженко, Саша Самойлов, Алексей Дидуров, и он же на ударнике. Год у нас 82-й, район площади трех вокзалов.

Тут я говорю Цою:

–А по тарелке бьет Артем Троицкий, свистит Володя Алексеев!

Цой спохватывается:

–Ну да…

Он уже к гитаре обращен душой, он уже в образ входит, он сейчас почти не здесь, а в родном Питере…

С первых же песен дуэта меня поразили в творчестве Цоя предельно детализированная обытовленность, пристальный и влюбленный взгляд на обыденную жизнь юного ленинградца в питерских стенах под петербургским небом: сквозь текст каждой песни, вплетаясь в русско-городскую мелодику ее, зашушукались невские тугие сквозняки, запели хором проходняки – продувные, полумрачные, схваченные округлыми арками, как каменное дуло, долготой и прямизной своей повторяющие улицы-линии. И вот уже будто взлетели и стиснули холодное небо мутноглазые фасады хмурых меблирашек, хранительниц вечной здешней достоевщины.

Самое интересное – в том, что Витя Цой жил праведнической, простой жизнью вечного подростка ленинградских неореалистичных кварталов, предпочтя жизнь грустного, задумчивого, приметливого шалопая и сибарита-котельщика накатанной карьеристской колее. Собственным выбором быта и бытия он возвещал свои идеалы».

Алексей Рыбин (из книги «Кино с самого начала»):

«Нам ужасно нравилось то, что мы делали. Когда мы начинали играть втроем, нам действительно казалось, что мы – лучшая группа Ленинграда. Говорят, что артист всегда должен быть недоволен своей работой, если это, конечно, настоящий артист. Видимо, мы были ненастоящими, потому что нам как раз очень нравилась наша музыка, и чем больше мы „торчали“ от собственной игры, тем лучше все получалось. Олег как более или менее профессиональный певец помогал Витьке справляться с довольно сложными вокальными партиями и подпевал ему вторым голосом. Гитарные партии были строго расписаны, вернее, придуманы (до записи мелодии на ноты мы еще не дошли) и шлифовались каждый день. Мы всерьез готовились к тяжелому испытанию – прослушиванию в рок-клубе».

1982
Майк и вступление в рок-клуб

То, что я сейчас рассказываю, известно практически каждому любителю русского рока со стажем. Но мы договорились, что моя книга обращена к новым поколениям любителей, к молодежи, которая, может быть, и не очень многое знает о Майке и его группе.

Поэтому мне опять поможет мой хороший знакомый и эрудит.

Андрей Бурлака (из рок-энциклопедии, т. I):

«Питерская группа „Зоопарк“ просуществовала десять лет и стала одним из краеугольных камней в фундаменте отечественного рока, оказав значительное влияние на всю его эволюцию, а основатель группы, безвременно ушедший из жизни гитарист и певец Майк Науменко, был и останется в истории как едва ли не самая яркая звезда на небосклоне русского рок-н-ролла.

Михаил „Майк“ Науменко родился 18 апреля 1955 года в Ленинграде, музыкой начал интересоваться еще в школе, хотя в отличие от большинства сверстников, которые предпочитали слушать британский бит, а затем хард-рок, увлекался белым ритм-энд-блюзом The Rolling Stones, американским фолком, поэзией Боба Дилана и Марка Болана (чему способствовало и его серьезное увлечение английской филологией). По окончании школы Майк поступил в Строительный институт, однако, не закончив его, ушел после четвертого курса.

О музыкальных занятиях Науменко до-зоопарковского периода известно мало: еще школьником он сочинял песни на английском, хотя так и не донес их до сцены, с институтской самодеятельностью в контакте не был, в начале 1977-го пару недель играл на танцах в Уткиной Заводи с „Союзом любителей музыки рок“, 25 февраля 1977 года выступил на очередном дне рождения Джорджа Харрисона с восхитившей всех версией „Drive My Car“, подружился там с музыкантами „Аквариума“ и в 1977–1979-м тесно сотрудничал с ним в качестве приглашенного электрического гитариста, а также несколько раз объединялся с музыкантами „Аквариума“ под шуточной вывеской „Вокально-инструментальная группировка имени Чака Берри“, играя репертуар из классических рок-н-роллов и блюзов. Помимо того, Майк сотрудничал с одним из самодеятельных театров Питера, для которого около 1975 года и начал сочинять песни на русском.

В мае 1978 года Майк вместе с лидером „Аквариума“ Борисом Гребенщиковым записал акустический альбом „Все братья – сестры“, а летом 1979-го совершил турне по деревням Вологодской области в составе группы „Капитальный ремонт“ (что с юмором и документальными подробностями описано в повести лидера „Ремонта“ Вячеслава Зорина „Разомкнутый круг“). Науменко репетировал с „Капитальным ремонтом“ до конца осени 1979-го, после чего окончательно выбрал соло-карьеру и начал выступать, исполняя свои песни под гитару.

В июле-августе 1980 года в студии Большого театра кукол был записан дебютный альбом Майка „Сладкая N и другие“, включавший многие из его классических номеров; за пультом находились поочередно Игорь „Птеродактиль“ Свердлов (позднее директор „Автоматических

удовлетворителей“) и Алла Соловей. Тем же летом состоялось несколько концертов Майка, после которых его имя начало приобретать определенную известность. Кроме того, он побывал на фестивале рок-акустики в олимпийской Москве.

Осенью 1980 года Майк наконец-то решился собрать собственную группу, дав ей, не без ироничной оглядки на „Аквариум“, имя „Зоопарк“ (хотя еще в 1975-м у него появилась песня с характерным названием „Жизнь в зоопарке“). Поначалу он попытался пригласить на роль аккомпаниаторов студенческую группу „Прощай, черный понедельник“, которая базировалась в институте ЦБП – из нее в „Зоопарк“ были рекрутированы Александр Храбунов (р. 30.09.59 в Ленинграде), гитара, и Андрей Данилов (р. в 1956 году в Петрозаводске), барабаны, а когда стало ясно, что по каким-то причинам их бас-гитарист группе не подходит, в „Зоопарк“ – по рекомендации одного общего знакомого – был приглашен Илья Куликов (р. 17.04.60 в Ленинграде) из группы „Маки“.

Они начали репетировать в ноябре 1980, в следующем феврале дебютировали на пригородной танцплощадке, играя репертуар из стандартов рок-н-ролла и текущих поп-хитов (как вспоминал позднее Майк, „играли «Поворот» «Машины времени» в рэггей“), той же весной были приняты в рок-клуб, а в конце мая дали свой первый концерт с программой целиком из песен Майка, вызвавший бурную, хотя и неоднозначную реакцию публики.

Интересно, что все это время „Прощай, черный понедельник“ продолжал параллельно репетировать собственный репертуар, даже вступил в рок-клуб (хотя ни разу не выступил на его сцене) и распался лишь в конце 1983 года.

На протяжении трех следующих лет „Зоопарк“ регулярно выступал дома, выезжал в Москву (где Майк поначалу пользовался гораздо большим успехом, нежели в Питере, но почему-то был воспринят тамошней публикой как панк, пару раз играл в сопровождении музыкантов московской группы „ДК“, а его выступление 19 октября 1981 в МИФИ было записано и легло в основу концертного альбома „Blues de Moscou“) и оттачивал свое мастерство.

Летом 1981 года Майк соло выступил на фестивале авторской песни в Риге и все это время интенсивно сочинял новые песни. Не имея возможности воплотить их в студийных электрических версиях, в июне 1982-го Майк записал на студии Театрального института второй соло-альбом „LV“ (звукорежиссером был Игорь „Панкер“ Гудков), пожалуй, его самую популярную работу, над которой с ним работали участники „Зоопарка“, Борис Гребенщиков, соло-гитарист Юлий „Юлик“ Харитонов („Винни-Пух“, „Амальгама“), Алексей Вишня и т. д. Альбом включал классические номера Майка „Белая ночь, белое тепло“, „Растафара“, „Завтра меня здесь не будет“ („Медленный поезд“), „Гуру из Бобруйска“, „Шесть утра“ и т. д.

В марте 1982 года Майк сыграл гитарное соло в песне Цоя „Битник“ на дебютном концерте группы „Кино“, с участниками которой его на протяжении многих лет связывали дружеские и творческие отношения – Майк и Цой регулярно давали совместные акустические концерты как в Питере, так и по всей стране (в частности, в Москве и Свердловске). Существенное влияние на формирование образа „Зоопарка“ в этот период

оказал художник (а в отдельных случаях и соавтор Майка) Игорь „Иша“ Петровский».

Заодно расскажу о своем личном знакомстве с этим замечательным человеком, каким я считаю Мишу Науменко, Царство ему Небесное!

Кассету с записью «Сладкая N и другие» мне принесли в 1983 году, едва я начал знакомство с питерским рок-клубом и его деятелями – Колей Михайловым, Джорджем (Анатолием Гуницким), Сашей Старцевым и другими.

Я послушал этот альбом с некоторым изумлением – и меня можно понять – ничего подобного ни по радио, ни по телевизору я тогда не слышал. Ни по текстам, ни по музыке. Многое мне очень понравилось, но что-то вызвало отторжение. Например, мне стало обидно за девушку, которую Майк так безжалостно отхлестал в песне «Ты – дрянь».

И я слегка пожурил за это Майка в своей статье, опубликованной в журнале «Аврора» (тогда я еще полагал, что имею право «журить»), отдав, впрочем, должное его таланту. О самодеятельной рок-музыке надо было тогда писать очень осторожно, ее беспрестанно поносили в прессе как образец бескультурья, пропаганды западного образа жизни, наркотиков, алкоголя и секса.

А через пару месяцев мы встретились на мансарде у Гребенщикова и поговорили. И я понял, что Майк не обиделся, он понял, что я за эти несколько месяцев проделал гигантский путь познания и стал уже понимать – что же такое рок вообще и русский рок в частности.

С тех пор мы дружили, я часто бывал у него на Боровой, где Майк жил в маленькой комнатушке вместе с очаровательной и милой женой Наташей и маленьким сыном Женей (сейчас мы с ним взаимные френды в ЖЖ (livejournal.com). Чуть дальше по коридору находилась огромная коммунальная кухня, где и происходили веселые сборища, в которых часто участвовала вся коммунальная квартира, тем более что в ней жил гитарист группы Шура Храбунов и часто ночевали многие другие.

Вот там и стали регулярно появляться Цой с Рыбой с гитарами и новыми песнями, начиная с 1980 года. А Майк в качестве звезды рок-н-ролла давал им советы и оценки.

На самом деле Майк по своему общему и тем более музыкальному уровню развития был на порядок выше молодых «гиперболоидов». Да и семилетняя разница в возрасте много значит. Им было девятнадцать-двадцать, а Майку уже целых двадцать семь лет!

Цой со свойственным ему чутьем и интуицией выбрал нового наставника правильно. Если бы я не был уверен, что все происходило по наитию и часто случайно, я бы предположил, что Виктор Цой выстраивал свою рок-н-ролльную карьеру очень рационально и разумно. Я уже отметил, что одной из главных его черт было правильное понимание людей.

Уже от Майка о новых талантах узнал сам БГ – признанный гуру нашего рока не только теперь, но и в те времена, когда ему еще не исполнилось тридцать лет.

Но об этом дальше.

А пока новоявленная группа вовсю готовилась к вступлению в рок-клуб, а точнее, к прослушиванию на Совете рок-клуба. Это, напомню, был еще «старый» Совет, ибо «революция» в рок-клубе произошла несколько позже, и новый Совет во главе с Колей Михайловым был избран лишь год спустя.

Естественно, рассказывать об этом событии уместнее всего одному из его участников.

Алексей Рыбин (из книги «Кино с самого начала»):

«Президентом клуба был Гена Зайцев, который страшно любил всякие бумажки, записки, протоколы, книги учета и прочие бюрократические штучки. При этом у Гены была четкая ориентация на свершение все той же пресловутой рок-революции, и весь клуб под его руководством готовился к восстанию. Заправляли всей партийной работой мэтры хипповского хард-

рока семидесятых – „Россияне“, „Зеркало“, „Союз любителей музыки рок“, „Джонатан Ливингстон“ и другие – одни получше, другие похуже, умные и целеустремленные борцы за свободу всего человечества. Каждая группа в отдельности была неплоха, когда занималась своим прямым делом – рок-музыкой. Но когда они собирались все вместе и под председательством Гены начинали свое партийное собрание – на полном серьезе объявляли кому-то выговоры, предупреждения, кого-то исключали, принимали, решали возникшие трения по вопросам идеологии путем поименного голосования, выдвигали поправки по повестке дня и ругали правых (КГБ) и левых (нас), то все это выглядело просто замечательно. Учитывая же еще и то, что над всем собранием незримо витала тень великого экстрасенса и певца Юрия Морозова, который в своем физическом воплощении на собрания не ходил, а прилетал туда в виде некоего духа и сидел где-нибудь на люстре, мрачно наблюдая за происходящим внизу, то эта компания на самом деле представляла собой реальную опасность для общества. Члены клуба, сдав по одной фотографии президенту Зайцеву, ходили важные, на свои собрания никого не пускали и были на седьмом небе от собственного величия. Руководство клуба захватило монополию на устройство концертов и всячески пакостило двум-трем делягам шоу-бизнеса, пытающимся работать автономно.

Вторым человеком в клубе после Гены была Таня Иванова, которая в конце концов подсидела Гену и стала заправлять клубом, внедряя в него рок-музыку уже совсем дикого образца, – я к женскому вкусу в этом плане всегда относился с недоверием. Свои интриги Таня плела тоже не очень долго – вскоре ее аннигилировал энергичный Коля Михайлов – нынешний наш президент. Он был первым из трех президентов, имеющих непосредственное отношение к музыке, и это, конечно, сыграло свою роль…

…По коридору к нам медленно и неотвратимо приближались остальные члены комиссии с Таней Ивановой во главе. Не любила нас Таня сначала, ох, не любила. А через год полюбила – вот что делает с людьми высокое искусство. А тогда – не любила, ох, не любила… Кто там был еще, я сейчас не помню, помню только Таню, Игоря и, по-моему, Колю Михайлова. Комиссия расселась по стульям, мы тоже расселись по стульям. Игорь Голубев улыбнулся и сказал:

–Ну вот, молодая группа хочет показать свой материал. Ребята хотят вступить в рок-клуб, и, мне кажется, их творчество заслуживает интереса. Они несколько не похожи на то, к чему мы привыкли, ну что ж, это тоже может быть интересным. Ребята они хорошие, ходят ко мне в студию, учатся…

–А как вы называетесь? – спросила Таня.

–„Гарин и гиперболоиды“, – ответил Витька.

Члены комиссии засмеялись, а Таня поморщилась.

–А что вы хотите сказать таким названием?

–Да ничего, – сказал Витька, начиная раздражаться.

–Да… – Таня покачала головой.

Ну, это понятно – она боролась за чистоту рок-идеи, а тут какие-то Гиперболоиды – что они умного могут сказать? Что светлого привнести в молодые души, жаждущие правды, чистоты и… ну да, да – рок-революции…

–Ну, послушаем ребят, – наконец-то предложил Голубев. – Что мы их мучаем, смущаем, давайте, ребята, начинайте.

Настроение у нас уже было препаршивое, но деваться было некуда, и мы начали. Репетиции пошли нам на пользу – раздражение не отразилось на качестве игры – мы все делали чисто и без ошибок, старались, конечно. „Бездельник–1“, „Бездельник-2“, „Мои друзья“, „Восьмиклассница“… Шесть или семь песен без перерыва, одна за другой. И напоследок – недавно написанный Витькой „Битник“ – мощнейшая вещь, опять-таки с мрачным и тяжелым гитарным сопровождением.

–Ну, и что ты хочешь сказать своими песнями? Какова идея твоего творчества? – спросила Таня Витьку. – Что за бездельник? Это очень хорошо? И остановки только у пивных ларьков – это что, все теперь должны пьянствовать? Ты это хочешь сказать? А что за музыка у вас? Это, извините меня, какие-то подворотни…

–Ну, уж так и подворотни, – вмешался Михайлов. – Музыка-то как раз интересная. Вообще, не будем ребятам головы морочить. Мне кажется, что все это имеет право на существование.

–Конечно, имеет, – сказал Голубев, – ребята еще учатся, работают над песнями… – Я считаю, их надо принять в клуб, мы должны помогать молодым, сказал кто-то еще из комиссии.

–Принимаем, я думаю, – сказал Коля.

–Конечно, – поддержал Голубев.

По Таниному лицу было видно, что она не одобряет происходящее, но ей не хотелось разрушать демократический имидж клуба, и она пожала плечами, потом кивнула головой:

–Если вы считаете, что можно, давайте примем. Но вам, – она повернулась к Витьке, – вам еще очень много нужно работать.

–Да-да, мы будем, – пообещал Цой.

Я видел, что его раздражение сменилось иронией, и все наконец успокоились – и комиссия, и мы. Мы сказали „спасибо“, вежливо простились со всеми, пообещали ходить на собрания, в студию свинга, на семинары по рок-поэзии и еще куда-то там и с миром пошли прочь – новые члены ленинградского рок-клуба – „Гарин и гиперболоиды“».

Но радость «гиперболоидов» длилась недолго. Они и так ощущали явную нехватку инструментов в группе, катастрофически не хватало бас-гитары. А тут еще к зиме призвали в армию Олега Валинского, и в группе остались две гитары и два лидера и автора песен.

Однако новые друзья-музыканты из «Зоопарка» и «Аквариума» заверили, что, если понадобится, они помогут молодой группе и сыграют с ними. Это, конечно, был выход, но явно временный.

Кстати, относительно знакомства Цоя с БГ существуют разные версии.

Классическая и самая романтичная, в духе голливудских музыкальных фильмов, рассказывает о том, что Цой спел свои песни Гребенщикову в электричке по пути в Питер из Петергофа, после концерта «Аквариума». И мэтр благословил молодого музыканта.

Однако я не очень в это верю, зная застенчивость Цоя. Может быть, такой эпизод и был, но не в качестве первого знакомства. Скорее всего, первые записи группы Гребенщикову показал Майк.

Конечно, это был любительский примитив. Существует, например, концерт «Цой и Рыба у Дидурова». Валинского там уже нет, зато подыгрывают на всяких бонгах разные

московские музыканты во главе с Сергеем Рыженко. На две трети концерт состоит из песен Цоя, на одну – из песен Рыбина.

Алексей Рыбин (из книги «Кино с самого начала»):

«Осень проходила в бесконечных репетициях, походах в гости, болтании по улицам – с Витькой теперь мы расставались только для того, чтобы пойти на работу или учебу, ну и ночевали у родителей – каждый у своих. Мне трудно вспомнить день, который бы мы не провели вместе. Он совершенно отбил у меня охоту сочинять песни – я был просто подавлен обилием и качеством материала, который Витька беспрерывно мне показывал. Он писал постоянно, и его вещи так мне нравились, что было много интереснее заниматься аранжировками его музыки, которая просто приводила меня в восторг, чем писать самому что-то новое. Очухался я только спустя несколько лет и снова стал кое-что пописывать, а тогда стоило мне взять в руки гитару и начать что-нибудь придумывать, как я автоматически начинал обыгрывать Витькины гармонии. В конце концов я плюнул на собственные эксперименты и полностью погрузился в совершенствование программы „Гарина и гиперболоидов“. Всеми „гиперболоидами“ теперь в одном лице был я и вместе с Гариным-Витькой подводил к завершению первую нашу программу. Замены Олегу у нас так и не было. Мы трое, а теперь уже двое, были одним целым, у нас появился свой ритм жизни, свое, как говорят, „поле“, и мы берегли его, очень осторожно заводя разговоры даже друг с другом о расширении состава группы, но эти разговоры становились все более невнятными и как-то сами собой угасли – нам было неплохо вдвоем.

Витька продолжал проверять свои песни, показывая их Майку, и не только ему – у Майка постоянно были гости, они принимали живейшее участие в обсуждении новых произведений, вернее, не в обсуждении, а в убеждении Витьки, что песню, которую он только что спел, безусловно стоит включить в программу, что она хорошая, что она очень хорошая, что она очень-очень хорошая…

–Но ведь текст дурацкий, – говорил Витька. Я знал, что он кривит душой – на написание текстов он тратил, как я уже говорил, много времени и дурацкими их, конечно, не считал. Он просто боялся выглядеть безграмотным, выглядеть, как большинство длинноволосых певцов рок-клуба с их высокопоэтическими откровениями о любви и мире. Его убеждали, что текст хороший, потом начиналась волынка с музыкой. Когда, наконец, Майк говорил, что Витька просто ненормальный, что такой мнительности он еще ни у кого не встречал, Цой сдавался, улыбался и соглашался, что, возможно, после подработки, после редактирования, когда-нибудь песня будет включена в число предназначенных для исполнения на зрителях.

Окончательно мы прекратили заниматься поисками новых членов нашей группы, когда получили заверения от Майка и БГ, что, случись у нас концерт, их музыканты и они сами всегда окажут нам посильную помощь, а также в том, что мы и вдвоем выглядим прилично. После этого мы немного переделали аранжировки, заполнив пустые места, предназначенные для басовых и барабанных рисунков, и стали практически готовы к полноценным квартирным концертам. Но что-то той осенью с квартирниками, как назло, было затишье, и ленинградским любителям

> нетрадиционной рок-музыки никак не могла представиться возможность познакомиться с новой супергруппой».

По общему мнению, кроме поиска музыкантов, нужно было срочно менять название группы и готовиться к записи первого альбома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.